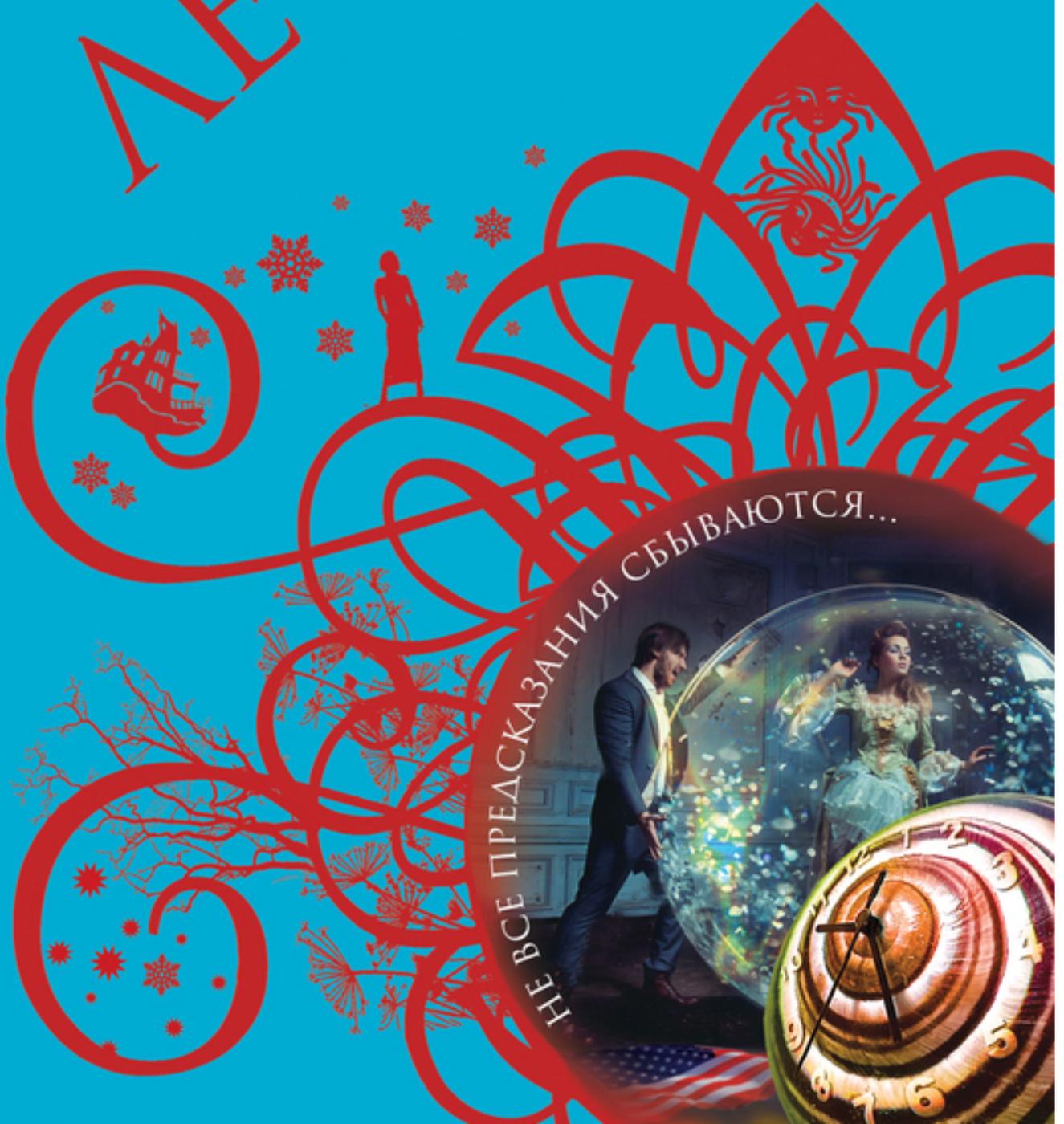

авантюжная
мелодрама

АНТОН ДЕОНТЬЕВ

НЕБО СЛИШКОМ
ВЫСОКО

Авантюрная мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Небо слишком высоко

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонтьев А. В.

Небо слишком высоко / А. В. Леонтьев — «Эксмо»,
2017 — (Авантюрная мелодрама)

ISBN 978-5-04-088591-6

Когда 54-й президент США Делберт Грамп решил провести Рождество со своей большой семьей в зимней резиденции, никто не посмел ему возразить, хотя все понимали, насколько это плохая идея. Ведь в эти праздничные дни над Флоридой бушевал ужасный ураган, который буквально отрезал членов семьи и приближенных президента от внешнего мира. Так получилось, что под одной крышей встретились две бывшие супруги Грампа и одна действующая, многочисленные дети от разных браков и даже его французская любовница. Все они, конечно, недолюбливали друг друга, но всерьез опасались только капризов погоды. Никто не подозревал, что их положением воспользуется преступник. В резиденции одно за другим начали происходить жестокие убийства, и под подозрением оказались все без исключения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088591-6

© Леонтьев А. В., 2017
© Эксмо, 2017

Антон Леонтьев

Небо слишком высоко

«Только что провел переговоры с китайским послом. Пекин согласился на все мои требования. Это сделает Америку еще могущественнее!!! Всех с Рождеством!»

Последнее (примерно за 10 минут до убийства) сообщение 54-го президента США Делберта У. Грампа в «Твиттере» в 22:01 24 декабря прошлого года

«Я с большим удовольствием выполняю обязанности первой леди». Милена Грамп, супруга 54-го президента США Делберта У. Грампа, в интервью телеканалу Fox News

DRAMATIS PERSONAE

Делберт Уинстон Грамп, 54-й президент США, миллиардер с харизмой, крайне непредсказуемым политическим темпераментом, шестьдесятю тремя миллионами подписчиков в «Твиттере» и шикарной гривой волос цвета бедра взволнованной нимфы.

Милена Грамп, урожденная Бравс, третья – нынешняя – супруга 54-го президента США, в прошлом фотомодель. Родом из балканской страны Герцесловакии. Готова мириться с ролью статистки в шоу, в котором солирует ее супруг. Далеко не глупа, поэтому намеренно использует в своих интересах собственный имидж недалекой красавицы. Идеальна до мозга костей и скрывает опасные факты из своей прежней жизни.

Тициан Леонардо Грамп, их сын пятнадцати лет, третий отпрыск мужского пола нового президента. Отец-президент возлагает на него особые надежды, лелея мечту, что тот в недалеком будущем унаследует его место в Белом доме. Молчалив, пуглив, впечатлителен. Однако, несмотря на все, настоящий Грамп.

Ясна Грамп, первая супруга нового президента, уроженка Югославии, некогда чемпионка страны по лыжному спорту, благодаря чему в свое время смогла пересечь границу и бежать на Запад. До сих пор имеет на бывшего мужа определенное влияние и не стесняется пользоваться им ради благополучия своих сыновей. К дочери относится более чем прохладно.

Делберт Грамп II, старший сын нового президента от брака с Ясной, бизнесмен. Руководит строительной империей отца-президента и регулярно получает от него нагоняи.

Уинстон Грамп III, второй сын нового президента от брака с Ясной, глава Грамп-фонда. Крайне недоволен тем фактом, что отец-президент поручил руководить своей строительной империей его старшему брату, которого Уинстон ненавидит с детства, когда тот его колошматил.

Злата Литтон-Грамп, старшая дочь нового президента от брака с Ясной, светская красавица, умница и крайне честолюбивая особа, что, однако, тщательно скрывает, используя свой

имидж блондинки в шоколаде. Обожает своих детей-близнецов и мужа. С детства втайне страдает от того, что мать предпочитает ей сыновей. Любимица отца-президента.

Джеремии Литтон, муж Златы и зять нового президента, выглядит много младше своих тридцати семи. Идеальный зять. Титулуется ведущими СМИ «серым кардиналом», потому что он единственный, чьи советы новый президент принимает без комментариев.

Шэрон Холбс, вторая супруга нового президента, звезда низкорейтинговых сериалов, мечта которой – получить «Оскар», если не за роль первого, то хотя бы второго плана, – так и осталась неосуществленной. Винит во всем интриги голливудских недоброжелателей, а также свое – крайне неудачное для актрисы – имя.

Эйприл Грамп, младшая дочь нового президента от брака с Шэрон, как и мать, желает стать актрисой, за что жестко высмеивается отцом-президентом. В отличие от старшей единокровной сестры, находится в отличных отношениях с двумя старшими братьями. Неразлучна со своим смартфоном.

Уильям Тревор Фартинг, вице-президент США, бывший губернатор штата Вайоминг, гордящийся своими аристократическими сединами и хорошо поставленным голосом. Не рвется на первые роли, однако отнюдь не прочь подняться по карьерной лестнице на ступень выше.

Стивен Маккиннон, пресс-секретарь нового президента, человек небольшого ума и гигантской энергии.

Лоретта Роуз-Иден, начальник пиар-штаба нового президента, бывшая пассия нового президента, так и не претворившая в жизнь заветную мечту – стать миссис Грамп № 3. Была вынуждена уступить пальму брачного первенства Милене.

Бизз Бартон, руководитель предвыборного штаба нового президента и главный идеолог «грампизма», для сторонников ангел во плоти, для противников – дьявол в живом облике.

Майк Флинт, адмирал в отставке, советник по национальной безопасности нового президента. Не желает становиться козлом отпущения.

Грег Догг, заместитель главы секретной службы и ответственный за охрану нового президента. Также не желает становиться козлом отпущения. Предмет обожания первой леди.

Оливия Чанг, агент секретной службы, необычайно красива и в еще большей степени честолюбива. Ради продвижения по карьерной лестнице готова (почти) на все.

Марианна дю Прэ, французский политик, звезда движения ультранационалистов, почетный гость на семейном рождественском празднике нового президента. Разделяет с ним крайне консервативные взгляды, цвет волос и, по абсолютно непроверенным данным, президентскую постель.

Хантер Рогофф, управляющая поместьем нового президента. Немногословна. Темная лошадка. Никто не знает, что именно связывает ее с мистером президентом.

Джанфранко, шеф-повар нового президента, человек, обожающий сюрпризы, и не только в кулинарном плане.

Луи-Огюст, стилист нового президента, основной задачей которого является предотвращение любыми путями выпадения волос хозяина Белого дома.

Франклин, дворецкий нового президента, доставшийся ему в наследство от предшественников и взятый на работу еще самой Жаклин Кеннеди. Фанат пунктуальности, вежливости и дрезденского фарфора.

Посол Китайской Народной Республики, против своей воли отмечающий Рождество в поместье нового президента. Готов голову сложить за решение дипломатического кризиса.

Коварные русские, в излагаемых событиях напрямую участия не принимающие, однако постоянно склоняемые на разный лад практически всеми действующими лицами.

* * *

Место действия: поместье нового президента, «Грамп-холл», штат Флорида, более известное как «Зимний Белый дом».

Время действия: канун Сочельника (23 декабря), Сочельник (24 декабря) и Рождество (25 декабря).

В ход действия то и дело вмешивается накрывший в конце декабря южные штаты США ураган «Хиллари».

«Даже если я застрелю на Пятой авеню какого-нибудь идиота-демократа, настоящие американские патриоты все равно – или даже именно поэтому! – проголосуют за меня!»

Делберт У. Грамп во время выступления в ходе президентской гонки в г. Гаррисберге, штат Пенсильвания

23 декабря, 16:30–23:55

... Самолет снова немилосердно трянуло, и Милена, едва не выронив свой смартфон из рук, уставилась в окно, за которым царила кромешная тьма, разрываемая то и дело сверкающими зигзагами молний.

И отчего мужу приспичило за два дня до Рождества лететь в резиденцию во Флориде, несмотря на то что все атлантическое побережье страны, в особенности Диксиленд, было уже вторые сутки накрыто плотным фронтом непогоды, который вот-вот должен был смениться ураганом, едва ли не сильнейшим за всю историю метеонаблюдений, с безобидным именем «Хиллари»?

Впрочем, вопрос был более чем неуместен, в особенности если твой супруг – президент США и имя ему Делберт Уинстон Грамп.

Президентский борт снова затрясло, и Милена, чувствуя подкатывавшую к горлу тошноту, украдкой посмотрела на супруга, который, развалившись в треноподобном, помпезном

золоченом кресле, широко расставив ноги, что-то строчил в своем золотом же мобильном. Наверняка свой очередной эпатажный твит.

Удивительно, но факт: мужа не брала никакая качка, на него не влияла никакая зона повышенной турбулентности.

– Идиоты, – изрек супруг-президент, не отрывая глаз от дисплея своего смартфона. – Какие же они идиоты! Да как они смеют такое писать про меня, самого успешного президента США за всю историю нашей великой страны?

Милена еле сдержала вздох и уставилась в окно. Делберт болезненно относился к критике в свой адрес, в особенности к критике *заслуженной*. Убоявшись собственных крамольных мыслей, Милена обернулась, словно опасаясь, что произнесла эти ужасные вещи вслух. Потому как Делберт карал людей из своего окружения, лая им в лицо свою коронную фразу «Ты уволен!», и за гораздо меньшие провинности.

Интересно, а что бы произнес он в ее адрес, если бы сумел прочесть ее мысли? «*Дорогая, ты мне больше не жена?*» И, вероятно, добавил бы, что оставит ее без цента и, что кошмарнее всего, потребует единоличного права опеки над их сыном и не позволит ей, матери, с ним видеться.

Супруг-президент уже разошелся вовсю, обвиняя кого-то из столь презируемой журналистской братии, признания и любви которой он, тем не менее, добивался всеми возможными путями, во всех смертных грехах и не скупясь на непотребные, видимо, усвоенные им во времена далекой юности на улицах Нью-Йорка ругательства.

Взгляд Милены остановился на том, разлуку с кем она бы не пережила. Их совместный сын, Тициан Леонардо, восседал в столь же помпезном, как и у отца-президента, кресле, только меньше размером (самое большое кресло полагалось, конечно, Делберту) и, еле шевеля губами, рассматривал потрепанный номер старых комиксов.

– Я их уничтожу, это гнездо лгунов и распространителей фейковых новостей! – бушевал Делберт. – Я хочу издать президентский указ, запрещающий нападки на меня, главу государства! И признать всех, кто нарушает его, врагами американского народа!

Милена снова уставилась в окно. Если бы, к примеру, Делберт в действительности решил с ней развестись и отобрать у нее сына, то она бы... Да, в самом деле, что бы тогда она сделала?

Впрочем, отчего она думала о вещах, которые все равно никогда не случатся? Хотя с учетом того, что у Делберта она была *третьей* женой, вероятность их разрыва все же существовала.

– Папа, не забывай, что большинство в Палате представителей и Конгрессе после промежуточных выборов в ноябре теперь в руках демократов, – раздался серебряный голосок Ясны. – И они уже пригрозили, что в начале января, после праздников, затеют процедуру импичмента. Они обвиняют тебя в том, что ты препятствовал осуществлению правосудия, а также в коррупции и государственной измене.

Милена едва заметтно скривилась, впрочем, укорив себя за это, – не хватало еще, чтобы на ее идеальном лбу прорезались ненужные морщины, и все из-за дочурки Делберта от первого брака, его любимицы и неформальной, но могущественной советницы.

– Я – президент, мне плевать, что в результате интриг этих самых журналюг и козней никак не могущей успокоиться Старой Ведьмы эти бестолочи получили на выборах большинство! – Муж разошелся не на шутку. Впрочем, как знала Милена, он столь же быстро успокаивался, как и выходил из себя. – Что же до этого дурацкого импичмента, то пусть идут к черту! Я им не муж Старой Ведьмы, чтобы пытаться выгнать меня из Белого дома!

– Папа, – проронила Ясна, – все же стоит отнестись к угрозе твоего импичмента с должной серьезностью. Джереми говорит, что теперь, после того как большинство в Конгрессе держат демократы, у них неплохие шансы еще до наступления лета лишить тебя должности...

Муж захохотал.

– В этом Джереми ошибается. Никто и никогда не лишит меня власти! Ведь я – президент США! То есть почти Господь Бог. И не шайке-лейке сторонников Старой Ведьмы пытаться опорочить меня. И почему у меня нет полномочий распустить эту лавочку, если они не хотят принимать *мои* законы? Я ведь самый могущественный человек на свете!

Милена краем глаза заметила, что Тициан быстро натянул наушники и включил музыку – истерика отца его явно не занимала.

А вот Злата, эта блондинка в шоколаде, светская львица и мать прелестных близнецов (за которыми, впрочем, ходили профессиональные дорогостоящие няньки), носилась с Делбертом как с писаной торбой, не стараясь, однако, загасить его гнев, а, скорее, пытаясь перевести его в нужное ей самой русло.

– Франклин, принеси президенту виски! – отдала распоряжение Злата, обращаясь к седому, пожилому, с удивительно прямой осанкой темнокожему дворецкому.

Дворецкий развернулся, явно намереваясь выполнить приказание президентской дочери, но Милена, поднимаясь из кресла, произнесла:

– Франклин, президент очищает организм от шлаков. Принесите ему грейпфрутового сока!

Дворецкий уставился на нее, явно не зная, чье приказание выполнять.

– Какой-какой сок, Милена? – пропела Злата, прищутив свои изумрудно-зеленые глаза.

Милена закусил губу. Девчонка, которая, впрочем, была всего на девять лет моложе ее, невзлюбила свою мачеху с самого начала. Но и Милена платила ей той же монетой, пытаясь ослабить влияние дочурки на Делберта.

Та же обожала постоянно намекать на сильный, по ее мнению, акцент самой Милены, то и дело, в особенности публично, делая вид, что не понимает, что та имеет в виду. *Хотя отлично все понимала.* Еще бы, ведь мамаша самой Ясны, первая супруга Делберта, эта громогласная, вульгарная югославка, говорила по-английски намного хуже, и это несмотря на то, что жила в США уже добрых сорок лет.

И свою крашеную югославскую мамашу, точнее, ее ужасный английский, Злата, конечно же, понимала *без малейших проблем.*

Отношения между старшей дочкой и молодой мачехой обострились после того, как Делберт чуть больше двух лет тому назад неожиданно, в первую очередь для себя, победил на президентских выборах, одержав сокрушительную и всеми считавшуюся невозможной победу над своей соперницей из стана демократов, бывшей первой леди, бывшей сенаторшей, бывшим госсекретарем, которую в клане Грампов давно и прочно именовали не по имени или хотя бы фамилии, а исключительно кличкой: *Старая Ведьма.*

Милена, делая вид, что не услышала едкого вопроса Ясны, посмотрела на пожилого дворецкого и тихо произнесла:

– Франклин, и не забудьте, пожалуйста, к соку лед, как любит президент!

Тот слегка поклонился, показывая, что понимает, *чьи* приказания ему надо выполнять (сразу видно: старая школа – еще бы, сейчас дворецкому было далеко за семьдесят, а когда он был совсем молодым парнишкой, его наняла на работу сама Жаклин Кеннеди, как раз в те дни, когда над миром зависла угроза ядерной войны в результате разразившегося Карибского кризиса) и удалился, бесшумно ступая по темно-синему с золотыми звездами ковровому покрытию «борта номер один».

Милена, конечно же, выбрала бы что-то спокойное и стильное, нечто в стиле самой Жаклин, с которой ее часто сравнивали, впрочем, зачастую *не в пользу* Милены, однако убедить Делберта, принявшего решение и отличавшегося более чем экстравагантным вкусом, было практически невозможно.

И только Злата могла заставить отца изменить точку зрения на противоположную.

– Это все Старая Ведьма! – заявил Делберт, в приступе внезапной раздражительности швыряя на пол свой золотой президентский мобильный. – Я же смотрел вчера передачу о том, что она тайно работает над тем, чтобы ее снова выдвинули в кандидаты в президенты от демократов. Она ведь никак не может переварить тот факт, что я ее победил! Причем с самым большим перевесом в истории США!

Муж явно был раздражен какими-то новыми нападками журналистов, а Милена подумала, что уж слишком нездоровый у него цвет лица. Надо бы ему поменьше волноваться и сбросить лишний вес. И если бы он тогда проиграл выборы, то они, как и до всей этой катавасии с попыткой въехать в Белый дом, продолжили бы вести тихую, шикарную, *такую уютную* жизнь.

Но вместо этого Делберт ни с того ни с сего получил большинство голосов выборщиков и, нанеся поражение Старой Ведьме, стал 54-м главой США.

Милена ненавидела Старую Ведьму всеми фибрами своей души. Нет, вовсе не за ее политические взгляды или за нападки на Делберта, который – и кто знал об этом лучше ее самой? – был *далеко не ангелом*, а за то, что Старая Ведьма, которая вплоть до дня голосования была бесспорным лидером предвыборной гонки и в победе которой не сомневался никто, судя по всему, и сам Делберт, все же умудрилась в итоге феерически проиграть!

Что открыло дорогу Делберту в Белый дом. И стало *концом* такой шикарной жизни третьей супруги нью-йоркского миллиардера. Да, вот именно этого Милена простить Старой Ведьме никак и не могла, потому что ждала дня голосования, проигрыша Делберта и возвращения в их роскошный пентхаус в мужнином небоскребе «Грам-Плаза» на нью-йоркской Пятой авеню.

А вместо этого муж победил и сделался хозяином этого кошмарного, мрачного, отвратительного кладбищенского мавзолея – Белого дома.

* * *

– Делберт, она наверняка заодно с *коварными русскими!* – раздалось глубокое контральто Лоретты Роуз-Иден, начальника пиар-штаба мистера президента. Та – иссиня-черные волосы, ярко-красное облегающее платье, тяжелая золотая цепь в глубоком декольте, умопомрачительные каблукы – всегда напоминала Милене средней руки демоницу из преисподней. Милена долго не могла понять, отчего Лоретта, которая до того, как заняла свою нынешнюю должность, была начальником пиар-штаба в строительной империи Делберта, относилась к ней с напускным подобострастием, за которым угадывалась черная злоба.

И только спустя какое-то время осознала: после развода Делберта с его второй супругой, этой никчемной акрисулькой Шэрон, Лоретта лелеяла мечту стать миссис Грамп № 3. А вместо этого оной сделалась она, Милена.

– Что за ерунда! – парировала серебряным голосом Злата, которая была также недовольна влиянием Лоретты на своего отца. – Тебе ведь известны эти смехотворные обвинения, которые запустила в оборот Старая Ведьма, не сумев справиться с фактом своего поражения на выборах, о том, что папа – *марионетка Кремля!*

Лоретта, усмехнувшись, уселась на подлокотник президентского кресла-трона и произнесла:

– Конечно, мне все это отлично известно, милочка, однако ведь люди тупы как пробки. Тот факт, что Старая Ведьма уже два года подряд с маниакальным упорством вдальбивает всем в головы, что мы с самого начала продались с потрохами *коварным русским*, служит дымовой завесой и отличным прикрытием того, что Старая Ведьма *сама* работает рука об руку с Кремлем!

Злата нахмурилась (во всяком случае, попыталась сделать это, насколько позволял ее нашприцованный ботоксом лобик).

– Не понимаю этой идиотской схемы... – протянула она, а Делберт, выдав несколько коротких, крайне крепких эпитетов в адрес Старой Ведьмы, добавил:

– Это только доказывает, что она окончательно свихнулась! Отличная идея, не так ли? Если демократы опять ее выдвинут, буду напирать на то, что у нее шарики за ролики заехали! Прекрасно придумано, ведь так?

– Папа, думаю, что к тому, о чем говорит Лоретта, надо прислушаться, – раздался спокойный голос Тициана.

Милена заметила, что сын, уже стянув наушники, поправлял длинные белые, такие же, как у отца-президента, кудри.

– Обвинение Старой Ведьмы в том, что она сумасшедшая, не даст результатов. И так все в курсе, что она чокнутая. А вот заявить, что она, якобы столь ненавидящая коварных русских, *на самом деле* давно с ними побраталась и, заручившись тайной поддержкой Кремля, желает по прошествии двух лет объявить итоги президентских выборов сфальсифицированными и сменить тебя в Белом доме, весьма умно. И пусть она с пеной у рта заявляет, что это не так. Тебе надо только говорить, что она продалась с потрохами *коварным русским*, дабы те, наконец манипулируя процессом голосования в США, возвели ее на президентский трон. Мол, ради этого она готова заключить пакт хоть с чертями в преисподней, хоть с *коварными русскими*, что примерно *одно и то же*, продать им нашу страну вместе со всеми ее жителями и ресурсами. И все ради того, чтобы хотя бы на пять минут или даже секунд воссесть полновластной хозяйкой в Белом доме. Этой идиотской теории, конечно же, все сразу поверят, Старая Ведьма наконец отправится в политическое или, кто знает, возможно, даже физическое небытие! Ведь: «Держи вора!» – громче всего кричит, как известно, сам вор. Ну, а: «Он с потрохами продан коварным русским», – утверждает, соответственно, тот *или та*, кто сам давно и со вкусом работает на Москву.

Тициан снова нацепил наушники и углубился в комиксы.

Лицо Делберта, до этого отливавшее свекольным колером, приняло нормальный оттенок, и мистер президент произнес:

– Сын, а ведь это гениальная идея! Она твердит, что я марионетка коварных русских, а я буду утверждать, что она это утверждает, дабы скрыть истину, что марионеткой коварных русских является на самом деле она сама!

– И главное, что ведь этому все безоговорочно поверят, не так ли? В особенности твои избиратели, Делберт, и те, которые были таковыми раньше и разочаровались в тебе, – произнесла Лоретта и зажгла тонкую сигарету. Злата, не выносившая табачный дым и бывшая фанаткой здорового образа жизни, поморщилась.

– Сын, ты – гений! Весь в меня! – просиял Делберт, а затем победоносно заявил: – Я – первый Грамп в Белом доме, но не последний! Тициан тоже станет президентом, это я вам гарантирую! Он такой же умный, как и я! Где мой президентский смартфон? Надо сформулировать новый твит...

Лоретта, наступив каблуком на золотой мобильный Делберта и пуская дым в сторону хмурившейся Ясны, ответила:

– Не спеши, Делберт. И ты уж точно не можешь первым запустить этот слух о том, что Старая Ведьма – тайная и хорошо законспирированная креатура *коварных русских*. Мои люди запустят это в оборот через нейтральные каналы, и через неделю об этом будет знать вся Америка! А ты, разумеется, будешь ни при чем!

Лоретта сидела на подлокотнике, наезжая своей задницей на колени мистера президента, а тот не делал никаких попыток Лоретту от себя отпихнуть. Более того, Милена заметила, что рука мужа легла на маячившую у него под носом острую коленку Лоретты.

– Умная девочка! – промурлыкал он, а Милена подумала, что выражение «*дешевая шлюха*» подошло бы больше. Впрочем, судя по шикарным дизайнерским шмоткам Лоретты и ее пристрастию к массивным драгоценностям, она была шлюхой весьма *дорогостоящей*. Но тот факт, что она являлась шлюхой, был бесспорен и не подвергался серьезному сомнению, кажется, даже самой Лореттой.

– Ваш сок, мистер президент! – провозгласил Франклин, возникая с золотым подносом около президентского кресла-трона.

– Принеси виски. Мы должны отпраздновать отличную идею моего сына! – заявил тот.

Дворецкий поклонился, а Злата, в глазах которой застыло выражение триумфа, взяла с подноса бокал с соком и пригубила его.

– И все же я думаю, что торопиться не стоит. Надо посоветоваться с Джереми, а он прилетит во Флориду только вечером... – произнесла она.

Джереми был муженьком Златы, бледнолицым, темноволосым, хорошо воспитанным красавчиком из благородной, обитавшей в дорогом снобистском Верхнем Ист-Сайде семьи, на протяжении семи поколений без исключений голосовавшей за демократов. Однако Милена знала, что за этим благообразным фасадом идеального зятя и пай-мальчика скрывался изощренный ум прожженного циника и отъявленного манипулятора-карьериста. Джереми вертел Златой, а та крутила своим папашей-президентом. В итоге выходило, что Джереми вертел-крутил Делбертом, а тот души в нем не чаял, так как не считал его для себя в какой бы то ни было степени опасным.

И следовал в итоге *всем* его советам.

В этот момент самолет снова протрясло, и Франклин, подававший виски, не удержал поднос в руках и выронил его. Содержимое бокала растеклось по платью Лоретты.

– Болван, куда ты только смотришь, черт тебя подери! – вспыхнул Делберт, а Злата, положив отцу на плечо тонкую, в перстнях руку, произнесла своим серебряным голоском:

– Папочка, не ругай Вашингтона. Ты ведь сам хотел, несмотря на надвигающийся ураган «Хиллари», лететь во Флориду.

Во Флориде находилось роскошное, выстроенное в стилизованном претенциозном старофранцузском стиле поместье Делберта, так называемый «Грам-холл», на территории которого располагалось столь любимое мистером президентом поле для гольфа. Именно там Делберт и предпочитал проводить холодное время года (да и теплое, впрочем, тоже), при любой возможности покидая промозглую столицу, полную врагов, журналистов и демократов, что, впрочем, было практически одним и тем же.

– И кто только дал этому урагану такое идиотское имя? Хотя уж лучше бы дали *самое* идиотское имя в мире – имя Старой Ведьмы! – проворчал Делберт, которому дворецкий, принеся извинения за свою оплошность, почтительно протянул лежавший на полу золотой смартфон.

– И вообще, Делберт, это ведь твоя была идея отпраздновать Рождество во Флориде! – промолвила наконец Милена.

Она сама осталась бы в Нью-Йорке, пусть там и было сейчас снежно и минус девять, однако ее апартаменты в их пентхаусе в «Грамп-Плаза» были одновременно ее крепостью. К тому же там имелось под рукой все то, что позволяло Милене колдовать над своей неувядающей красотой. Все же когда тебе сорок семь, надо уделять сохранению молодости *повышенное* внимание.

А Флориду она не любила, так как там всегда были зной, кондиционеры, москиты, а также вечные гости – раньше деловые партнеры Делберта, а после его избрания – политические кривляки, которых ей на правах супруги приходилось развлекать и вести с ними никчемный, абсолютно излишний, как сказал бы сам Делберт, *идиотский* small-talk.

– А где бы ты хотела отмечать Рождество? В заваленном снегом Нью-Йорке? – пропела Злата. – Или на столе пластического хирурга?

Самолет в который раз трянуло, и содержимое бокала с грейпфрутовым соком выплеснулось на изящный деловой костюм Златы. Милена, скрыв усмешку, произнесла тихо, но не до такой степени, чтобы стоявшая ближе всех к ней Злата ее *не услышала*:

– Во всяком случае, не в прачечной или химчистке...

А затем уселась в кресло и прикрыла глаза. Не любила она эти ненужные путешествия на самолетах, хотя в свое время, в особенности когда она была высокооплачиваемой моделью, ей иногда приходилось летать по два, а то и три раза в день.

Но эти времена остались в *далеком* прошлом.

* * *

Пилот «борта номер один» объявил о предстоящем снижении, и Милена вцепилась в подлокотники кресла, чувствуя, что они направляются в самое чрево урагана. По причине сильного ветра посадить самолет с первого раза не удалось, поэтому пришлось зайти на посадку повторно.

Милена даже вспомнила слова давно забытой молитвы, той самой, которую она когда-то читала, как и сейчас, опасаясь за свою жизнь.

Только тогда опасность была намного реальнее.

Наконец попытка посадить самолет увенчалась успехом, и Милена с облегчением вздохнула, чувствуя, что шасси коснулись взлетной полосы. Обернувшись, она заметила, что только два человека невозмутимо продолжали заниматься своими делами, не обращая внимания на бушевавший снаружи ураган: Делберт и Тициан.

– Месье президент! – раздался громкий голос с аффектированным французским акцентом, около Делберта возник всегда сопровождавший его стилист Луи-Огюст, верткий тип с седой бородкой и седыми же космами, рекомендованный Делберту *этой французженкой*.

Милена старалась не думать об *этой французженке*, потому что каждый раз ощущала нарастающее чувство тревоги. А что, если...

А что, если то, о чем судачат, правда и эта ультранационалистка, так и не сумевшая в прошлом году стать президентом Франции, пытается все же войти в президентскую семью, правда, американскую?

И выскочить замуж за Делберта?

Сплетня, конечно же, была смехотворная, потому что Делберт был уже женат и его женой была она, Милена. Но факт оставался фактом: *эта французженка* была любовницей Делберта. И то, о чем миллионы судачили, сами не веря в правдивость подобных предположений, было правдой.

Ведь Милена сама застала их в прошлом году в Белом доме в более чем недвусмысленном положении. Причем *эта французженка*, ничуть не смущаясь, грациозно (этого у нее было не отнять) поднялась с дивана в Овальном кабинете и, представ перед остолбеневшей Миленой в чем мать родила, произнесла с отличным парижским выговором:

– Дорогая, не могли бы вы подать мне мои трусики?

Те – красные, кружевные – покоились около постамента с бюстом Уинстона Черчилля – водрузить его в Овальном кабинете распорядился Делберт в первый же день своего президентства, так как именно в честь британского премьер-министра получил свое второе имя, чем изрядно кичился.

Муж же, пыхтя, как тюлень, путался в расстегнутой рубашке, стянутом пиджаке, спущенных брюках.

Просьба *этой француженки* была, безусловно, провокацией. Посему, распахнув настежь дверь, Милена тогда произнесла:

– Франклин, мадам дю Прэ требуется квалифицированная помощь!

И, не дожидаясь появления вышколенного дворецкого, удалилась прочь.

Делберт вечером того же дня заявился к ней «мириться», преподнес коробочку с платиновым перстнем с гигантским изумрудом в обрамлении отборных бриллиантов. Милена никогда бы не надела такую вещицу – уж слишком она была вульгарная, хотя и стоила никак не меньше четверти миллиона долларов.

Однако она приняла ее со своей дежурной улыбкой (и спрятала затем в снятый в одном из нью-йоркских банков сейф, где хранились подарки супруга, человека щедрого, общая стоимость которых перевалила, по подсчетам Милены, за десять миллионов: это была гарантия ее безбедного существования в случае *развода*) и позволила Делберту, как всегда, выговориться. Во время его путаного монолога она медленно расчесывала волосы перед старинным венецианским зеркалом, украшавшим раньше палатцу одного из дождей, и не прерывала мужа и *уж точно его не журила*.

Потому как это все равно не возымело бы успеха – муж только бы разозлился, и пустяковая интрижка с этой француженкой переросла бы в ненужную семейную ссору.

– Конечно, милый, я понимаю, что ты не мог устоять! Как настоящий мужчина, как самый сильный мужчина в мире, ты не мог сопротивляться ее чарам, – произнесла Милена, позволяя мужу неуклюже поцеловать ее в щеку и продолжая расчесывать волосы. – Но неужели она не бреет ноги? – добавила она, и Делберт тотчас выпятил нижнюю губу – верный признак того, что ее замечание попало в цель. Ведь ей было отлично известно, что мужу нравилось, а что он терпеть не мог. И колючие женские ноги относились именно к разряду последнего.

Нет, Милена была уверена, что ноги у этой француженки были без единого волоска, да и для своих сорока с хвостиком эта парижская стерва выглядела, надо признать, неплохо. *Очень даже неплохо*. Ведь она сталкивалась с ней лет двадцать назад, когда сама работала моделью в Париже, а *эта француженка* была еще начинающим политиком и полностью находилась в тени своего могущественного отца, основателя партии французских националистов. Позже его невзрачная дочурка, в ту пору страдавшая угрями и излишним весом, партию у своего харизматичного *рара* отобрала. *Сперва она заняла* позицию лидера, а потом и вовсе велела выбросить его из основанного им же самим движения, под угрозой немедленного исключения запретив упоминать имя своего впавшего в немилость родителя на официальных мероприятиях.

Однако Милена была в курсе, что если вложить Делберту в голову какую-то идею, причем сделать это не напрямую, а тонко и завуалированно, то в итоге можно будет повлиять на его непредсказуемое поведение и склонить к тому решению, о котором он в данный момент еще сам и не догадывался.

Милена хотела убедить его в том, что эта француженка – *не та*, кто ему требуется.

Ведь она в самом деле была *не та*. Однако никакие скандалы, мольбы и стенания не оказали бы на Делберта воздействия, а, наверное, только бы толкнули его в объятия этой роковой дамочки.

А так Милена была уверена, что ей удалось заронить в душу Делберта зерно сомнения и дать ему понять, что *эта француженка* ему не пара. Ведь она не сомневалась, что совокупление в Овальном кабинете было быстротечной одноразовой интрижкой, не более.

Или именно что *нет*, и их связывало *большее*?

В этом Милена сомневалась. Мужу все же было семьдесят. Раньше, вне всякого сомнения, он был гигантом секса, но в последние годы явно сдал. Хотя Делберт был уверен в противоположном и напропалую хвастался тем, о чем люди обычно предпочитают стыдливо молчать: количеством любовниц, любимыми позами, размером собственных гениталий. Причем делал

это при помощи «Твиттера», сообщая многим миллионам своих подписчиков свои интимные детали, по преимуществу – Милена знала это точно – безбожно *преувеличенные*.

Милену это коробило, однако она ничего не могла с этим поделать. Переделать Делберта было нельзя, и она это знала.

Как знала и то, что муж, подобно псу, обычно никогда не возвращается к одному и тому же дереву, около которого ему пришлось однажды справить нужду – именно так он как-то сам выразился о своих внебрачных связях.

Неужели он испытывает к *этой французженке* какие-то чувства?

* * *

Посмотрев на себя в зеркало в туалетной комнате первой леди на «борту номер один», Милена осталась недовольной прорезавшейся меж бровями новой тонкой морщинкой. *И откуда она только взялась?* Ведь инъекцию ботокса она делала три месяца назад... Нет, пожалуй, уже *четыре*... И потом эти складки на шее... С ними бороться уже сложнее... И неужели это седой волос, хотя она была у парикмахера всего два дня назад?

Милена вздохнула и поправила воротник легкого темно-вишневого пальто. Нет, все же, как ни крути, но она – самая элегантная первая леди со времен Жаклин. Она расспрашивала о ней их дворецкого Франклина, который знал ее лично, и она же убедила его повременить с уходом на пенсию, хотя старик собирался покинуть Белый дом после воцарения в нем Делберта.

– Вы должны помочь мне, – сказала она тогда дворецкому. – Я ведь могу рассчитывать на вашу поддержку?

Старый дворецкий, поклонившись, произнес:

– Конечно, мэм. Думаю, что два или три года я еще продержусь...

Стать элегантнее Жаклин сделалось навязчивой мыслью Милены. Политика навевала на нее скуку и совершенно ее не интересовала. Она понимала, что многие взгляды ее мужа-президента эксцентричны, смехотворны и откровенно вредны, но таков был темперамент Делберта, и попытка обуздать его непременно закончилась бы *плачевно*.

Прежней жизни, размеренной, стабильной, состоятельной, она лишилась навсегда, в этом Милена уже не сомневалась. Даже если Делберт и проиграет на перевыборах и покинет Белый дом, то возврата к прежнему не будет. Их прежние друзья в Нью-Йорке или отвернулись от них, с самого начала переметнувшись на сторону Старой Ведьмы и открыто поддерживая ее кандидатуру, считая Делберта позором, посмешищем и угрозой, или, *что еще хуже*, открыто заискивали перед ними, лебезя и пресмыкаясь перед новой президентской четой.

Даже лечь на пластическую операцию, не привлекая внимания вездесущих репортеров, стало делом непосильным. А еще хуже было бедному Тициану, их чаду, подростку чувствительному и пугливому. Милена противилась переезду из Нью-Йорка в Вашингтон. Белый дом казался ей неким подобием кладбищенского мавзолея, а они сами в нем – потерянными призраками.

Но Делберт был непреклонен, ему было плевать на то, что для мальчика было бы намного лучше остаться в Нью-Йорке, продолжить ходить в частную школу и общаться с теми немногочисленными друзьями, которые у него были.

Пришлось перебираться в другой город, точнее, переселяться из одной вселенной в другую.

Милена снова вздохнула, припудрила нос и еще раз провела щеткой по волосам. Она слышала снаружи громкий голос мужа, который по телефону отдавал распоряжения одному из своих незадачливых министров. Кажется, наступала пора покинуть «борт номер один», хотя Милена этого так не хотела.

Но нельзя же провести все время в туалетной комнате первой леди. Хотя, собственно, *почему?*

Милена подошла к двери и услышала в коридоре серебристый голос Златы. Сердце женщины забилось сильнее, сталкиваться со своей падчерицей она не хотела.

– Джереми, душка, надеюсь, получилось? Ты проконтролировал, чтобы самолет с Марианной сел в JFK? И чтобы они не перенаправили его по причине урагана черт знает куда...

Милена замерла, чувствуя, что в ушах у нее зашумело. Вот что Злата и ее муженек Джереми задумали: они пригласили *эту французженку* (звавшуюся Марианной) на празднование Рождества в семейном кругу.

Вот ведь парочка мерзких интриганов!

– Да, да, отлично, душка! Папа к ней, вообще-то, охладел, но Марианна наверняка не упустит своего шанса и попытается разбудить уснувшую страсть. Так что отлично, что папа ничего не знает. Мы презентуем ему Марианну в качестве рождественского сюрприза. И, кто знает, может, у нас появится новая мачеха! Потому как старая порядком осточертела!

Серебристый голосок Златы удалился, и Милена осторожно приоткрыла дверцу. Что же, дочка надеется на то, что папа-президент затащит в койку *эту французженку*. Вернее, что *эта французженка* своими цепкими лапками утянет туда Делберта.

Милена усмехнулась. То, что Злата считает ее саму недалекой и даже *туповатой*, было Милене отлично известно. Милена знала, что на свете масса людей, которые намного умней ее. Например, Злата. Однако это не значило, что падчерица имеет право вмешиваться в ее личную жизнь. И тем более подстрекать Делберта к связи с *этой французженкой*.

– Где ты торчала? – раздался голос мужа, который явно был в плохом настроении.

Милена, подойдя к нему, поцеловала его в щеку и сняла с воротника черного пальто невидимую пылинку.

– Извини, милый, что заставила тебя ждать. Что, эти идиоты опять что-то отчебучили?

Она знала, что супруга можно очень просто отвлечь, задав ему *вопрос об идиотах*, причем не имело значения, кто подразумевался под этим эпитетом: политические противники, политические соратники, демократы, республиканцы, приверженцы Старой Ведьмы, противники Старой Ведьмы, муж Старой Ведьмы (и по совместительству бывший президент), дети Старой Ведьмы, внуки Старой Ведьмы или даже *сама Старая Ведьма*, иностранные лидеры, менеджеры строительной империи, некогда принадлежавшей Делберту, которой теперь управляет его старший сын, журналисты, пилоты «борта номер один» или просто-напросто избиратели Делберта, недовольные провалом его начинаний и фактом грозящего ему импичмента.

Муж, тотчас заметив, что она выглядит замечательно, пустился в сложные объяснения, что именно сделали *эти идиоты*. Милена знала, что главное в такой ситуации – давать ему выговориться, не перечить, время от времени вставляя односложные фразы, лучше даже междометия, выражающие изумление, негодование или, *на худой конец*, поощрение, и ни в коем случае не высказывать свое мнение и тем более не пускаться в абсолютно ненужные и столь опасные дискуссии.

Следуя за супругом по коридору, Милена внимала потоку брани, лившейся на головы – седые, темноволосые, лысые – *этих идиотов*. Они подошли к трапу, около которого стоял пилот. В лицо Милене ударил резкий, смешанный с дождем ветер.

Она заметила статного, коротко стриженного блондина – Грэга Догга, заместителя главы секретной службы, ответственной за охрану президента.

– Мистер президент, все в полном порядке! – доложил он, а Делберт в отеческой манере потрепал Грэга по плечу.

– Ну, за исключением этих идиотов, все в самом деле в порядке! Потому что у меня всегда все в порядке, запомните это! Недаром я – Делберт Грамп!

Милена знала: супруг не просто твердил эту фразу, а свято верил в то, что только что сказал. В своем представлении он был самым великим, удачливым и умным президентом Соединенных Штатов Америки – причем не только в прошлом и настоящем, но наверняка и на все времена *в будущем*.

– Так точно, сэр! – отрапортовал Догг, и Делберт пожал руку пилоту.

С другого конца вынырнула Злата, желавшая спускаться по трапу напрямик за своим отцом, но Милена, с доброй улыбкой встав у нее на пути, тихо (привычку говорить тихо она тоже переняла у Жаклин, которая никогда не повышала голос, а в случае конфликта, наоборот, его понижала: ведь прислушиваются не к тем, кто орет, а к тем, кто *шепчет*) проронила:

– Думаю, тебе надо позаботиться о твоих близнецах. Они ведь соскучились по мамочке, пока ты в течение всего перелета, бросив их, сидела с отцом...

И, оттеснив ее, взяла за руку неуклюже протиснувшегося сквозь напиравшую толпу свиты Тициана. Поцеловав сына в макушку, Милена рукой в черной перчатке поправила его непослушные длинные волосы и, прекрасно зная о неприязни отпрыска к журналистам, наверняка их поджидавшим (в этом он был полностью солидарен со своим отцом), произнесла погерцословацки:

– Не бойся, нас ждет лимузин...

Злата наострила уши, стараясь понять, о чем же Милена говорит с сыном, однако погерцословацки она не понимала, только немного по-сербски, и то толком не умея на нем говорить – ее мамаша в свое время не особенно утруждала себя тем, чтобы привить дочурке язык тех мест, откуда была сама родом.

Милена же, в противовес своей предшественнице, *целенаправленно* учила сына герцословацкому – она не сомневалась, что если он в Герцословакии и побывает, то только проездом, и что жить ему там точно не придется, однако хотела, чтобы ее ребенок свободно владел языком ее небольшой балканской родины.

Хотя бы для того, чтобы иметь возможность общаться с ним так, чтобы другие не понимали, о чем же они ведут беседу.

– Папа ужасно не любит, когда ты говоришь с ним на этом жутком языке этой бедной коммунистической страны! – ворчливо произнесла Злата. – Если журналисты пронюхают, то используют это против папы. Неужели это так сложно понять?

Муж уже спустился по лестнице и размашисто шагал к президентскому лимузину. Задерживаться еще больше было бы опасно – это могло бы стать причиной ненужных сплетен.

Хотя сплетен было и так предостаточно.

– Папа *также* ужасно не любит, когда за его спиной приглашают на семейные торжества тех, кто к семье не относится. Или ты уже начинаешь без его ведома готовить его к новой жене? Делберт, вне всяких сомнений, будет крайне этому рад! – пропела Милена и, сжав руку сына, одарила пилота мягкой улыбкой и стала элегантно спускаться по трапу.

Истошно подвывая, дул сильный порывистый ветер, предвестник надвигающегося на Флориду урагана. Длинные каштановые волосы Милены разметало по лицу, однако она была рада, что прозорливо отказалась от головного убора (хотя бы и элегантной шапочки а-ля Жаклин) – не хватало еще, чтобы тот, к вящей радости Златы, да и Лоретты тоже, сорвало резким порывом.

Они с сыном уселись в следовавший за президентским лимузин – Делберт не любил семейных выездов и считал, что жена и ребенок, а также прочие представители клана должны следовать *позади* него, президента, но никак не рядом и уж точно не *вперед*.

Впрочем, Милена и не настаивала на том, чтобы ехать в головном президентском лимузине. Ей были отлично известны повадки Делберта – в конце концов, она была замужем за этим человеком уже больше пятнадцати лет!

И иногда, и в последнее время все чаще, задумывалась о том, стоит ли игра свеч. И правильно ли она в свое время сделала, приняв его предложение стать его женой.

Милена искоса взглянула на сидевшего рядом с ней сына. Конечно, *правильно*. Потому что иначе бы у нее не было этого чуда – ее ребенка. А ради Тициана она была готова буквально на все.

Нет, даже и не *буквально*.

* * *

За окнами лимузина мелькали искаженные надвигающимся ураганом «Хиллари» пейзажи. Вообще-то на аэродроме Орландо их должен был забрать вертолет и доставить в поместье Делберта, но по причине отвратительной погоды секретная служба остановила свой выбор на лимузинах.

Милена снова взглянула на сына и, чувства прилив нежности, взяла его за руку. Подросток, оторвав голову от комиксов, взглянул на нее и произнес:

– Ну, мама...

Впрочем, руку он не убрал, а Милена тихо вздохнула. Ведь, кажется, недавно она была беременной, потом в престижной частной нью-йоркской клинике при помощи кесарева сечения произвела на свет Тициана – и вот ему чуть больше двух месяцев назад исполнилось пятнадцать! *Как же быстротечно время*, а ведь кажется, она только вчера вышла замуж за Делберта...

Милена усмехнулась, припомнив пикантный факт, что на их свадьбе присутствовала Старая Ведьма, тогда заседавшая в Сенате от Нью-Йорка, и ее муженек, бывший президент. И, что удивительнее всего, Делберт и Старая Ведьма в то время приятельствовали. И еще пару лет назад дочурка Старой Ведьмы вместе со своим муженьком, сокурником Джереми по Йелю, была в гостях у Златы.

Но теперь их пути разошлись – *окончательно и бесповоротно*. Милена снова ощутила гнев в отношении Старой Ведьмы. И как она только могла проиграть выборы и лишиться ее, Милену, ее спокойной, тихой жизни супруги эксцентричного миллиардера?!

Нет, она сама уж точно не желала быть первой леди США и, узнав о желании супруга баллотироваться в президенты, сочла это очередной блажью. Она была уверена в том, что Делберт или откажется от этой затеи, или республиканцы просто не выдвинут его на этот пост. Ну, или, при самом неблагоприятном для нее раскладе, он с треском проиграет выборы.

Делберт *не отказался* от затеи, сумел, несмотря на все чинимые препятствия, добиться номинации со стороны сопротивлявшихся республиканцев, а затем *выиграл* выборы, посрамив уже выдавшую себя властительницей Белого дома Старую Ведьму.

– Мама, – произнес ее сын Тициан по-герцословацки, снимая наушники, – а можно мы с тобой снова переедем в Нью-Йорк?

Милена вздохнула, она знала, что сыну претит жизнь в Белом доме, что ему хочется вернуться в прежнюю школу и возобновить отношения с друзьями.

– Подобные решения принимает папа, – ответила она и потрепала сына по голове. Все же, несмотря на то что он внешне похож на Делберта, на *молодого Делберта*, который был привлекательным мужчиной, а не на Делберта нынешнего, являвшегося карикатурной, причем *не только* в политическом плане фигурой, Тициан характером отличался от мужа, а также от двух своих старших единокровных братьев, сыновей Делберта от этой несносной югославки.

Если бы было иначе, Милена наверняка отказалась бы от сына. Женщина усмехнулась – нет, своего ребенка она бы не бросила ни при каком раскладе, однако она бы с трудом вынесла, если бы он темпераментом пошел в Делберта.

Странно, но ведь она когда-то любила Делберта... Впрочем, не надо врать самой себе – его она *никогда не любила*, однако ей были приятны ухаживания американского миллиардера, тогда еще вполне статного симпатичного мужчины средних лет.

– И почему все решает папа? – произнес сын и, вздохнув, нацепил наушники и углубился в свои комиксы.

Действительно, *почему?* В последние годы Милена все чаще и чаще ловила себя на мысли, что жизнь с Делбертом становится невыносимой. Менялась и она сама – в конце концов, минувшей весной ей исполнилось *уже* сорок семь. Да и Делберт, всегда обладавший импульсивным темпераментом, с годами делался все невыносимей.

Просто невыносимым.

И она все чаще и чаще задумывалась о разводе. Ее утешала мысль о том, что у нее имелись кое-какие собственные накопления – ведь некогда она была моделью пусть и не первого разряда, но, во всяком случае, второго. Что позволило ей заработать и отложить на «черный день» приличную сумму.

Хотя сейчас она в год на туфли тратила больше, чем лежало у нее на банковском счету, о существовании которого Делберт, *кажется*, не имел представления.

Но ведь имелась еще и банковская ячейка с драгоценностями, подаренными Делбертом, и это ее утешало. Десять миллионов – это было уже что-то. Ведь, согласно брачному договору, в случае развода она не получит ничего.

Ровным счетом ничего.

Однако там ничего не было сказано о том, что она обязана вернуть подарки мужа. Милена даже осторожно навела справки у адвоката, и тот ей подтвердил, что драгоценности, *по всей видимости*, являются ее полновластной собственностью. Однако Милена предпочла хранить их вне их роскошного пентхауса – для того, чтобы Делберт не смог их у нее забрать.

И ведь все это было еще до того, как мужа избрали президентом. После его переезда в Белый дом все стало *намного сложнее*. Ему требовалась жена, пусть и иностранка, пусть и родом из некогда коммунистической Герцословакии, пусть и говорившая по-английски с явным акцентом.

Однако если она пожелает от него уйти, Делберт ее просто уничтожит. Раньше бы, быть может, отпустил с миром, взяв себе в жены новую молодую модель или актрису. Но теперь, с учетом рекордно низких рейтингов популярности Делберта, ему не был нужен *еще один* скандал, на этот раз в собственном семействе. Тем более меньше чем за два года до перевыборов и за год до начала новой президентской кампании.

И если этого не миновать, то Делберт сделает все, чтобы отомстить ей за развод и связанные с этим хамские комментарии оппозиционно настроенной прессы. И не только оставит ее без гроша, *но и лишит сына*.

А этого Милена допустить никак не могла. Поэтому ни о каком разводе не могло быть и речи. Поэтому Милена страстно желала, чтобы муж проиграл перевыборы через два года. И тогда, быть может, она сможет получить свободу...

А что, если он и их *снова выиграет?*

Ведь и в прошлый раз все были уверены, что Старая Ведьма играючи обойдет Делберта и просто разгромит его на выборах в пух и прах. А в итоге она сама оказалась посрамленной. И, несмотря на то что сейчас большая часть американцев высказывала свое недовольство политикой Делберта, имелись люди, причем весьма многочисленные, для которых Делберт был кумиром.

И Милена знала: обладая необыкновенным даром красноречия и черной харизмой, супруг умел убеждать людей. Поэтому она исходила из того, что он, подобно птице Феникс, возродится из пепла, как и в случае со Старой Ведьмой, устроит грандиозную перевыборную кампанию, извывает всех противников в грязь – и выйдет из президентской гонки победителем.

И это будет означать, что ей грозят *новые четыре* года в Белом доме.
А вот если бы Делберт вдруг умер...

* * *

Лимузин тряхнуло на повороте, и Милена искоса взглянула на сына. Делберт исходит из того, что Тициан рано или поздно также станет президентом. Когда супруг выдавал подобное, она благоразумно молчала, понимая, что спорить с Делбертом – себе дороже.

Однако она была готова приложить все усилия, чтобы подобное никогда не случилось. И не потому, что Тициан был бы плохим президентом – в конце концов, его отец был президентом *отвратительным*, во всяком случае, если верить всем этим оппозиционным опросам общественного мнения и комментариям либеральных журналистов.

Просто Милена считала, что это не то поприще, к которому Тициан стремится и на котором бы мог реализовать свой огромный потенциал. Потому как быть властителем Белого дома – *что может быть скучнее и неинтереснее?!*

Однако муж в последнее время все чаще и чаще, даже во время различного рода официальных мероприятий и своих многочисленных интервью вдруг ни с того ни с сего принимался рассуждать о том, какой способный мальчик его младший сын и что он наверняка пойдет по стопам своего гениального отца и также станет президентом.

Милена в который раз поймала себя на мысли: *а что, если бы Делберт умер...*

В самом деле, *что?* Его бы похоронили с президентскими почестями, его бы место занял вице-президент, это ничтожество с благородными сединами, а она сама и Тициан вдруг оказались бы *свободны*.

Милена стала мечтательно раздумывать о том, что бы она предприняла вместе с сыном, если бы муж вдруг скончался. Они бы отправились в кругосветное путешествие, только они вдвоем – мать и сын. Они бы посетили все те места, в которых ей удалось побывать раньше, в прежней жизни, и в которых Тициан никогда не был – и посещение которых для Делберта было, разумеется, просто-напросто *идиотично*.

Они бы снова переехали в Нью-Йорк и смогли наслаждаться нормальной, пусть и крайне привилегированной жизнью. И о ней как о вдове президента рано или поздно (причем скорее *рано*, чем поздно) забыли, оставив в покое и ее саму, и подрастающего сына. Кто знает, быть может, она бы даже нашла человека, за которого вышла бы замуж – или, по крайней мере, который бы занял место Делберта в ее постели. Той самой постели, в которой Делберт в последние годы бывал все реже и реже.

Если вообще бывал.

Милена отметила, что они подъезжают. Ее глазам открылась панорама колоссального, похожего на вычурный французский замок поместья. Она не любила это помпезное строение со множеством комнат, золоченой мебелью, мраморными полами и фресками на потолках. Отчего-то все это напоминало ей шикарный бордель, но доводить это до сведения Делберта она не намеревалась: в конце концов, поместье было обставлено *исключительно* с учетом его желаний.

Милена вдруг поймала себя на мысли, что выбирает себе наряд для похорон Делберта. И у нее имелся образец для подражания – Жаклин, которой тоже пришлось участвовать в погребении мужа-президента.

Только все дело в том, что Делберт умирать *явно не намеревался*. Хоть ему и было семьдесят, и он вел явно не самый здоровый образ жизни, здоровье у него было отменное, и он с лихвой мог протянуть еще лет двадцать, *если не все тридцать*. Его отец умер в возрасте девяноста трех, а дед вообще дотянул до ста одного. И Делберт в своей обычной хвастливой

манере заявлял, что он станет тем самым представителем семейства Грампов, который проживет дольше всех.

Это значило, что он намеревался прожить еще *по крайней мере* тридцать два года. Милена с ужасом осознала, что если это намерение мужа осуществится, то ей самой будет на момент его кончины... *Почти восемьдесят!*

Нет, тогда начинать новую жизнь будет решительно поздно. Конечно, человек предполагает, а бог располагает, однако Милена, как и Делберт, была уверена в том, что супруг-президент протянет еще немало лет.

Но ведь существуют еще и несчастные случаи, например, на поле для гольфа, играть в который обожал супруг.

Наконец, американских президентов *время от времени* убивали... Милена поразмыслила и пришла к выводу, что последним, кто пал жертвой убийцы или, не исключено, даже нескольких убийц (официальной версии мало кто верил), был супруг Жаклин, президент Кеннеди.

Потом на президентов время от времени устраивали покушения, самое серьезное из которых произошло с президентом Рейганом, раненным сумасшедшим поклонником Джуди Фостер. Но это тоже было в самом начале восьмидесятых.

И с тех пор никаких покушений на президентов не было да и быть не могло – Милена знала, что секретная служба отлично справлялась со своими обязанностями.

Но ведь никогда не знаешь, где тебя поджидает смерть. И не исключено, что в этот самый момент, когда президентский кортеж въезжал на территорию флоридского поместья Делберта, которое он провозгласил «Зимним Белым домом», некто замыслил убийство хозяина этого самого «Зимнего Белого дома».

Милена практически силой заставила себя не думать о подобных глупостях. Уж если кто-то и намеревается убить Делберта, то явно не здесь, в «Зимнем Белом доме», который охранялся не хуже, а, кажется, даже лучше настоящего Белого дома. Так что если этому и суждено было произойти, то не здесь и не сейчас – потому как даже убийцы президентов с большим почтением относятся к *надвигающимся ураганам*.

* * *

Лимузин затормозил перед величественной мраморной лестницей, и один из сотрудников секретной службы, выждав, когда Делберта сопровождают в холл, распахнул дверцу.

Милена шагнула наружу и подняла голову, несмотря на то что Вашингтон они покинули около полудня, поместье тонуло в стремительно сгущавшемся сумраке. И дело было даже не в том, что был конец декабря и один из самых коротких дней в году. Надвигавшийся ураган накрыл весь штат Флорида колпаком, и Милена вдруг ощутила страх.

А что, если ураган будет такой силы, что он повредит их поместье? Нет, глупости, замок Делберта снесет разве что ядерный удар, а, несмотря на напряженные и крайне нервнические отношения с *коварными русскими*, такой вариант полностью исключался.

– Мэм, прошу вас, не задерживайтесь, проходите в дом! – вежливо, но безапелляционно произнес агент секретной службы. Милена взяла за руку сына и направилась в гигантский холл поместья.

Войдя в холл, она увидела, что супруг просматривает папку с документами, которую держал перед ним один из помощников. Около него стояла облаченная во все темное постная особа непонятного возраста – это была Хантер Рогофф, управляющая «Грамп-холлом». У этой женщины всегда было одно и то же выражение лица – абсолютно индифферентное. Милена всегда считала, что от Хантер веет могилой, однако работу свою та выполняла безукоризненно.

– Парню шестнадцатый год пошел, а ты все еще водишь его за ручку, как ребеночка! Запомни, я не допущу никакого обабливания! Потому что он – Грамп, а все Грампы – мужики.

Мне не нужны все эти либеральные сюсюканья! В пятнадцать я заработал свой первый миллион!

– Просто когда тебе было пятнадцать, умер твой дедушка и оставил тебе миллион в наследство! – пробормотал сын, однако так, чтобы отец его не услышал.

Милена качнула головой, давая Тициану знак, что спорить с Делбертом не имеет смысла – тот и так был явно на взводе.

Супруг, к счастью, не услышавший комментария сына, в раздражении оттолкнул от себя папку с документами и, не соизволив даже взглянуть на жену и сына, скинул на услужливые руки Хантер Рогофф пальто.

– Эти идиоты! Почему я окружен исключительно идиотами? Если бы все делали, что я верю, наша великая страна давно бы вернулась на прежнюю позицию мирового лидера!

Тициан явно намеревался сказать что-то полемичное, но Милена сжала его руку и снова качнула головой. Сын, выпятив нижнюю губу (*вылитый отец!*), промолчал.

Громко хохоча, в холл вошел стилист президента, Луи-Огюст. Он тотчас бросился к своему подопечному:

– Ах, месье президент, этот противный ветер растрепал ваши чудесные волосы! Позвольте мне, месье президент!

Милена чуть заметно (насколько позволяли инъекции ботокса) скривилась – она невооруженным глазом видела, что этот не особо талантливый субъект наглым образом копировал стиль и манеру поведения одного воистину гениального человека, единственного хорошего, ныне, правда, уже покойного друга Милены, который когда-то и помог ей начать карьеру модели.

Делберт безропотно вручил себя заботам стилиста, который, вытащив из своего чемоданчика расческу и бутылочку лака для волос, стал колдовать над прической президента.

– К ужину соберется вся семья! – произнес Делберт, так и не посмотрев на Милену.

– Вся семья и так в сборе, – заметила она тихо, на что муж злобно ответил:

– Твоя, дорогая моя, быть может, в самом деле в сборе. Но не *моя!* Приедут Делберт и Уинстон. А также Эйприл с Шэрон.

Делберт был старшим, а Уинстон – младшим сыном от брака с *ужасной югославкой*: обоим было уже порядком за тридцать. Эйприл являлась второй дочерью Делберта от брака с Шэрон, голливудской актрисой. Шэрон, в отличие от *ужасной югославки*, была особой весьма сносной, относившейся к Милене как к предмету обстановки, потому что предпочитала всегда говорить только об одном: о себе, своей карьере и интригах голливудских боссов, упорно не желающих распознать ее актерский талант и сделать из нее «звезду».

– Джереми тоже подлетит, – произнесла серебряным голоском Злата, появляясь вместе с нянькой, которая несла на руках двух прелестных заспанных близнецов. – И мама приедет. Ты ведь не против, папочка?

Милена сжала кулаки. Неужели эта ужасная югославка тоже заявится сюда? И Злата, эта интриганочка, конечно же, уже все устроив, теперь спрашивала у отца разрешения, прекрасно зная, что он его даст.

А вот у нее, своей мачехи и номинальной хозяйки поместья, Злата спросить разрешения так и не удосужилась.

– Ясна тоже приедет? – произнес Делберт. – Отлично!

Злата, повернувшись к Милене, пропела:

– Ты ведь не против, милая моя?

Конечно, Милена была против, *да еще как*, однако она понимала, что теперь не может возразить.

– Разве мое мнение имеет значение, если Делберт сказал «да»? – ответила в тон ей Милена, и Злата скривилась.

Милена же сладко заметила:

– Твоя матушка прибудет одна или вместе со своим новым мужем? Ах, извини, как я могла запамятовать: она с ним уже развелась. Однако там ведь имелся этот манекенщик, ее любовник... Нет, постой, она его выгнала после того, как застукала в постели со своим же шофером...

Злата, хмурясь, заявила:

– Мама прибудет одна!

Делберт же, сопровождаемый Хантер Рогофф, тем временем принимал подобострастные приветствия от выстроившихся длинной шеренгой слуг – Милена же, подобный смехотворный ритуал ненавидевшая, проскользнула к спрятанному в глубине холла лифту. Наконец-то она могла принять ванну и прийти в себя!

Когда дверцы лифта закрылись, оставив ее с сыном наедине среди хрусталя, позолоты и мрамора, Тициан произнес:

– Папа явно не в настроении...

Милена, потрепав сына по голове, заметила:

– Поэтому прошу, не перечь ему и не заводи его намеренно.

Сын, столь же упрямый, как и отец, пожал плечами.

– Но ведь я не виноват, что папа постоянно искажает факты. Впрочем, он всегда их искажает. Иначе бы он не был Делбертом Грампом, пятьдесят четвертым президентом США.

Милена, быстро нажав кнопку экстренной остановки, привлекла к себе сына и перешла с английского на герцословацкий:

– Мой мальчик, запомни, что мы обязаны твоему отцу всем. Он человек своеобразный, однако не стоит его злить.

– Мама, а ты с ним *счастлива*? – спросил вдруг Тициан, и Милена внезапно ощутила, что к глазам подкатили горячие слезы. Нет, она не имела права расплакаться, только не сейчас, только не при сыне, только не от этого вопроса...

Сын, обняв Милену, зашептал:

– Мамочка, не плачь, прошу тебя! Я тоже его ненавижу, хотя в то же время люблю. Он ведь все же мой отец... Однако он ужасный человек. Он не ценит тебя, абсолютно не ценит! Думаешь, я не знаю, как он пристаёт к своим симпатичным помощницам и щиплет за задницы юных официанток. И это на приемах, когда ты стоишь в метре от него!

– Мой мальчик, прошу тебя... – Милена все же разрыдалась, думая только об одном – если ее увидят с зареванным лицом слуги или агенты секретной службы, то кто-то из них тотчас донесет об этом Делберту. А тот ужасно не любил, когда его жена – *вне зависимости от порядкового номера* – прилюдно плакала.

Тициан же, обняв ее, продолжил:

– Разве я не прав, мамочка? Думаешь, если я по большей части молчу и ничего не говорю, то не понимаю, что происходит вокруг меня и что за человек мистер президент, который, по странному стечению обстоятельств, является моим отцом?

– Мой мальчик, прошу тебя... – повторила Милена, чувствуя, что слезы застилают глаза и бегут по щекам. Да, выглядеть она будет ужасно – нельзя, чтобы кто-то увидел ее в таком состоянии. *Нельзя!*

– Мамочка, он не только не любит тебя, он тебя не ценит! Ладно, вероятно, так во многих семьях, однако почему он ведет себя так вызывающе? Вот сейчас, в самолете, он схватил за грудь стюардессу, а сотруднице секретной службы сделал такой напичканный непотребностями «комплимент» по поводу ее спортивной задницы, что другая бы на ее месте вчинила бы ему иск в сто миллионов – и выиграла бы дело!

Милена молчала, зная, что все, о чем говорит сын, чистая правда. То, что Делберт схватил на «борту номер один» какую-то официантку за грудь, ускользнуло от ее внимания, однако

она слышала те ужасные пошлости и сальности, которые муж отпускал в адрес молчавшей и не смевшей возразить ему молодой агентши, явно не знавшей, как вести себя в подобной кошмарной ситуации, когда к тебе пристает сам президент США.

– Я поговорю с Грэггом, пусть допускает до охраны Делберта только мужчин... – залепетала Милена, а сын заявил:

– Мамочка, не в этом же дело! *Не в этом!* И ты прекрасно это сама понимаешь. Я не могу уже терпеть, как он постоянно тебя обижает. Как он пренебрегает тобой. Как он унижает тебя. Как он...

Милена обняла сына и прошептала:

– Мой мальчик, мне очень жаль, что ты оказался замешанным в наши с Делбертом проблемы.

– Мама! Проблема даже не в том, как Делберт ведет себя с тобой и другими женщинами. И даже не в том, какую кошмарную политику он проводит. Ведь мое предложение обвинить Старую Ведьму в связях с Москвой было чистой воды сарказмом. Однако Делберт принял это за чистую монету. Как и все эти абсолютные нули, подхалимы и карьеристы, которые его окружают. Они тотчас ухватились за эту идею, которая в итоге может стоить Делберту президентства. Впрочем, тогда наша страна будет избавлена от худшего в ее истории правителя...

– Не говори так, прошу тебя! – произнесла в ужасе Милена, а Тициан, усмехнувшись, ответил:

– Но ведь это так? Думаешь, я не читаю проклинаемую Делбертом либеральную прессу и не соглашаюсь с тем беспощадным правдивым анализом, которому они подвергают его так называемую смехотворную политику? И проблема не во всем этом, как я тебе уже говорил. Проблемой является *сам Делберт!* И меня не удивит, если рано или поздно кто-то решит эту проблему *устранить*...

Милена взглянула на себя в зеркало и ужаснулась – если ее увидят в таком виде, то пиши пропало. Она взяла себя в руки и произнесла:

– Как бы то ни было, мой мальчик, но он – твой отец...

– Может, *нет?* – с надеждой спросил Тициан, смотря на мать. А затем, смутившись, произнес: – Извини, мамочка, но ты уверена, что...

Милена поцеловала подростка в лоб и, рукой начесывая волосы на лицо так, чтобы скрыть следы слез, проговорила:

– Ты забываешься, мой дорогой. Это не тот вопрос, который сын, даже такой умный, как ты, может задавать своей матери, даже такой глупой, как я!

Тициан, еще больше смущаясь, пробормотал:

– Мамочка, я не хотел... Просто... Просто это было бы важно в случае, например, вашего развода. Тогда бы у него не было права требовать единоличной опеки надо мной, потому что он не является моим биологическим отцом. А то, что родила меня ты, сомнению не подлежит.

Недовольная своим отражением Милена вздохнула, открыла сумочку, вытащила солнцезащитные очки, надела их, а потом извлекла из одного из отделений тонкий шелковый платок. Элегантным жестом обернув его вокруг головы, она осталась более или менее довольной и сочла, что *крайне* похожа на Жаклин эпохи ранних семидесятых.

– Мой дорогой мальчик, это не то, о чем матери обычно говорят со своими пятнадцатилетними сыновьями...

– Но не все матери пятнадцатилетних сыновей замужем за такими людьми, как Делберт! – заявил Тициан.

В этом сын был, *безусловно*, прав. Но, как ни крути, не могли же все быть замужем за 54-м президентом США.

– Мамочка, ты у меня такая красивая, – застенчиво произнес Тициан. – И далеко не глупая! Поверь мне, Злата на самом деле глупее тебя, просто она хитрая. И замужем за Джереми,

который готов ради достижения своих целей идти по трупам. А его цель – определять политику США, а со временем, кто знает, и всего мира, не занимая никакой выборной должности. И это у него, надо признать, неплохо получается уже сейчас.

Нажав кнопку и снова приведя лифт в движение (долго оставаться в застрявшей между этажами кабине было *недальновидно* и, более того, *крайне опасно*: в «Зимнем Белом доме» у всех стен, в том числе и стен лифта, имелись уши), Милена произнесла:

– Мальчик мой, я тебя прошу – не иди на конфронтацию с отцом. Да, он твой отец, хочется тебе этого или нет. И он мой муж!

Двери лифта распахнулись, выпуская на этаж, на котором находились апартаменты Милены и ее сына. Делберт же обитал в противоположном крыле псевдофранцузского замка.

– Мапочка, ты так и не ответила на мой вопрос – *счастлива ли ты?* – произнес Тициан, и в этот момент около кабины лифта возникла одна из горничных – конечно же, молодая, конечно же, с большой грудью, конечно же, темнокожая. Делберт установил критерии отбора прислуги в свое флоридское поместье.

– Добрый день, мэм! Добрый день, мистер Грамп! – произнесла она, приветствуя их.

Милена машинально поправила очки и с досадой отметила, что свой последний вопрос Тициан задал громко и, что ужаснее всего, *на английском*. И что горничная *наверняка* его услышала.

– Добрый день! – произнесла Милена, не утруждая себя тем, чтобы вспомнить, как зовут эту особу. Вместе с сыном она прошептывала мимо замершей около лифта и явно что-то выжидавшей служанки. Показалось ли ей – или на губах этой особы застыла тонкая понимающая ухмылка?

Милена знала, что и в «Зимнем Белом доме», и в настоящем Белом доме в Вашингтоне сотрудники и прислуга считали ее гордячкой и снобом. И это только потому, что она никогда не звала никого из них по имени и не вела с ними ненужных разговоров.

Нет, никакой гордячкой или снобом она не была, просто она боялась вступать в какие бы то ни было отношения с *абсолютно чужими* людьми – кто сказал, что она должна *вообще* чиркать с этими личностями, половина из которых доносила обо всем ее мужу, а другая половина сплавляла пикантные подробности из жизни президентской четы оппозиционным либеральным СМИ?

Вот и сейчас, похоже, горничная услышала то, что для ее ушей не предназначалось.

Милена проводила сына в его комнату и, удостоверившись, что за дверью никто не маячит, произнесла по-герцословацки:

– Прошу тебя, не перечь отцу. И не говори о том, что проблема – он сам.

Падая на большую софу и вытаскивая из-под нее очередной номер комиксов, Тициан проговорил:

– Мапочка, но ты же сама знаешь, что он и есть проблема. Но любую проблему можно устранить. – А потом, взглянув на нее, добавил: – Поэтому повторяю в третий раз, мапочка, *ты с ним счастлива?*

Милена никогда не пыталась анализировать свои отношения с Делбертом с точки зрения того, счастлива ли она с ним или нет. Когда она вышла за него, он был миллиардером, владельцем строительной империи. И даже если она его не любила (а надо признать, она его не любила), было бы – если использовать любимое словечко Делберта – сущим *идиотизмом* отвергнуть его предложение о замужестве.

Теперь же он являлся президентом США, одним из самых могущественных лидеров в мире.

Какое отношение имел к этому вопрос о личном счастье *жены* президента?

– Забудь об этом! – произнесла она, а Тициан, кладя ноги к ярким кроссовкам на софу, подытожил:

– Следовательно, нет. Что же, мне это важно знать для дальнейших шагов.

Милена вздрогнула. Она желала узнать, что имеет в виду сын, но в этот момент дверь распахнулась, и в комнату Тициана вошел отец-президент. За ним семенил прибывший другим самолетом пресс-секретарь Белого дома Стивен Маккиннон, толстяк со свинными глазками.

– Сын! Я рассказал Стивену о твоей гениальной идее обвинить Старую Ведьму в связях с кремлинами. Он с тобой поговорит, чтобы разработать стратегию...

В комнату заглянула и Лоретта, заявившая:

– Но Делберт, вообще-то, это моя прерогатива заниматься пиаром.

Стивен, выпятив *в подражание шефу* нижнюю губу, сказал:

– Ничего, Лоретта, была твоя, стала моя! Мы с Тицианом отлично друг друга понимаем. Так ведь, приятель?

Стивен выставил ладонь, явно ожидая, что Тициан ударит по ней, однако подросток, листавший комиксы, и не подумал это сделать. Пухлая рука Стивена повисла в воздухе, а Лоретта, цокая каблуками и выставляя напоказ все изгибы своего роскошного тела, облаченного в алый шелк платья, подошла к софе и опустилась на подлокотник. Ее когтистая рука хищницы легла на макушку Тициана.

– О, с Тицианом мы ведь тоже друг друга отлично понимаем? Так ведь, мой сладкий?

Милена отлично знала – глава пиар-штаба Лоретта вела непримиримую войну с пресс-секретарем Белого дома Стивеном, и теперь каждый из них, желая увеличить собственное влияние на Делберта и потопить конкурента, пытался заручиться расположением его младшего сына.

– Классные сиськи! – громко заметил Тициан, уставившись на нависавшие над ним буфера Лоретты, и та, обычно не склонная к подобной реакции, смутилась и зарделась. Отец-президент оглушительно расхохотался и, подойдя к сыну, хлопнул его по плечу.

– Сразу видно – мой отпрыск! Настоящий Грамп! Ладно, Тициан, поговори с ними обоими, может, придумаете что-то хорошее для очернения Старой Ведьмы!

* * *

Милена вздохнула и вышла из комнаты сына, понимая, что он последует приказанию отца и будет дурачить недалекого Стивена и прожженную Лоретту, причем никто из них не догадается, что мальчик морочит им голову.

В одном Делберт был прав: сразу видно, что Тициан – его отпрыск. И Милена не знала, стоит ли этим гордиться или бояться этого.

– Злата сказала, что ты недовольна приездом Ясны, – произнес муж, когда они оказались одни в длинном коридоре.

Ага, дочурка *успела уже* настропалить отца и втюхать ему свою версию событий. Впрочем, она была недалеко от истины.

Милена знала, что раньше Делберт и его первая жена, эта ужасная югославка, на протяжении нескольких лет вели настоящую «войну роз», однако это осталось в далеком прошлом: ведь развелись они уже больше двадцати лет назад. Теперь же они сделались лучшими друзьями, а Делберт был благодарен этой ужасной югославке за то, что она подарила ему двух сыновей и любимицу-дочку: больше отпрысков, чем вторая и третья жена вместе взятые.

– О, это совсем не так! – тихо проговорила Милена. – Просто я хотела знать, прибудет ли Ясна одна или со своим очередным молодым любовником...

Милена заметила, как исказилось лицо Делберта. Несмотря на тот факт, что он уже четверть века как развелся с Ясной и сам был после этого дважды женат, не считая бесчисленных интрижек, его бесил тот факт, что его бывшая заводила себе бойфрендов, причем с каждым годом все моложе и моложе.

– Ясна приедет одна! – пролаял супруг, а Милена добавила:

– Чудно. Я буду очень рада ее видеть. И кстати, Злата тебе уже сказала, что она готовит тебе сюрприз?

Она сделала паузу, зная, что Делберт тотчас пожелает узнать, *какой именно*. Так и произошло. Муж повернулся и уставился на Милену.

– Сюрприз! Какой такой сюрприз? – произнес он, на что Милена, изображая растерянность, ответила:

– Ах, похоже, я выболтала чужой секрет. Нет, нет, я больше ничего сказать не могу!

Делберт приблизился к ней и, выпятив нижнюю губу, заявил:

– Я не только твой муж, Милена, но и твой президент! Ты голосовала за меня, так что ты обязана, *просто обязана* сказать мне, что за сюрприз готовит мне Злата!

Милена внутренне усмехнулась. Злата и ее Джереми хотели обставить визит *этой француженки* в лучших традициях шпионских романов и осуществить все втайне, дабы Делберт ни о чем не догадался. А тут такая *незадача!*

И вообще, если бы Делберт только знал, что на выборах она голосовала не за него, *а за Старую Ведьму*, то, разумеется, тотчас бы подал на развод. Нет, сделала Милена это не потому что поддерживала политику Старой Ведьмы, а исключительно по той причине, что страстно желала ей победы и проигрыша мужу: иначе ей предстояло лишиться уютной нью-йоркской жизни.

Но ее голос против не помог, *и Делберт все же стал президентом*.

– Так какой сюрприз? – требовательно спросил муж, а Милена засюсюкала:

– Ах, лучше спроси ее сам... Ну хорошо, я тебе, так и быть, скажу, ведь ты в самом деле мой президент... Джереми и Злата пригласили эту самую... ну, как бишь ее зовут... Ту, что ноги свои не бреет... Француженку! А, Марианна дю Прэ!

Делберт дернулся и на секунду замер, громко втягивая носом воздух.

– Пригласили? Без согласования *со мной*? Президентом?

Милена вздохнула:

– Ты же знаешь, как Злата тебя любит. И Джереми, *конечно*, тоже чтит тебя как политического лидера нашей великой страны. Возможно, они только хотят сделать тебе приятное... *Очень* приятное...

Взор Делберта на мгновение затуманился, и Милена подумала, не вспоминает ли он акт животного совокупления, которому предался тогда с *этой француженкой* в Овальном кабинете.

Неужели ему было так с ней хорошо?

– Сделать приятное... – процедил Делберт, а Милена тихо добавила:

– Наверняка! Ведь дети *так* тебя любят! Правда, не забывай, что эта француженка все же безнадежно проиграла свои президентские выборы, а ты их триумфально выиграл. Так стоит ли тебе встречаться с политическими неудачниками? Это может бросить на тебя тень. Ведь все эти незначительные европейцы только и норовят погреться в лучах твоей славы, Делберт. Так и эта парижанка, *не бреющая свои ноги*...

Делберт снова резко втянул воздух (что было признаком *крайнего* раздражения) и произнес:

– Точно не идея моей Златы, это все малыш Джереми устроил. Я с ним *еще поговорю*, когда он приедет.

Милена еле сдержала улыбку. Похоже, зятю-манипулятору впервые предстоял неприятный разговор с тестем-президентом.

– Конечно, конечно, я уверена, что Злата тут ни при чем. Она ведь и так занята все время своими чудными близнецами. Когда не пытается дать тебе советы... – подлила масла в огонь

Милена и невинно поинтересовалась: – Так какой будуар приготовить для нашей высокочтимой французской гостыи? Салон *маркизы де Помпадур*?

В «Зимнем Белом доме» *в самом деле* имелась крайне безвкусно обставленная комната с таким претенциозным названием.

– Да, да, прикажи приготовить. Она, видимо, останется здесь ночевать, – произнес супруг, не замечая тонкой иронии, которой был буквально пропитан вопрос Милены.

Он неуклюже поцеловал жену в щеку и отправился прочь, в свои апартаменты. Милена посмотрела вслед супругу. Они уже давно, наверное, *не меньше десяти лет* спали не только в разных постелях, но даже и жили каждый в своих комнатах или, как в случае с «Зимним Белым домом», каждый в своем крыле.

Дело было в том, что у Делберта *время от времени* были гости женского пола. Сначала Милена была шокирована, потом разозлена, но, в конце концов, смирилась с этим. Мужа все равно было невозможно переделать, а если бы даже было и можно, то она, *вероятно*, теперь все равно бы предпочла сохранить статус-кво.

Уж слишком много воды утекло, слишком много времени прошло с тех пор, как она ответила согласием на предложение Делберта стать его женой.

Заметив, что она оказалась в коридоре в гордом одиночестве, Милена, вздохнув, отправилась в свои апартаменты. Она толкнула дверь – и оказалась в просторной гостиной, обставленной не с вульгарной роскошью, как прочие помещения в поместье супруга, а в классическом английском деревенском стиле. На том, чтобы изменить обстановку, настояла сама Милена.

Снимая очки и стягивая с головы косынку, она прошлась по ковру и опустилась в глубокое кресло. Что же, к ним скоро пожалует *эта француженка*. А помимо этого, ужасная югославка и вторая супруга Делберта, актриса-неудачница. Муж любил время от времени устраивать подобные семейные сборища, он обожал находиться в центре всеобщего внимания. А вот Милена ненавидела такие празднества, в особенности те, на которых собирались бывшие жены Делберта. Одно дело – дети, они были кровью и плотью мужа, а вот для чего звать этих двух престарелых теток, одна из которых открыто ненавидела Милену, а другая была поглощена исключительно собственной персоной?

Милена когда-то неосторожно задала этот вопрос Делберту, и он, вспыхнув, заявил, что это не ее ума дело. Наверное, это в самом деле было *так*. Только речь шла даже не о том, чтобы собрать вокруг себя круг льстецов и зависимых от финансовых подачек Делберта персон – и ужасная югославка, и неудачливая актриса получили при разводе более чем щедрые отступные.

Милена поняла, что Делберт хочет продемонстрировать, в том числе и ей самой, что бывает с женами, которые из разряда нынешних переходят в разряд бывших.

Но если он хотел таким образом завуалированно ей пригрозить, то попытка пошла прахом. Милена, хоть и с трудом выносила обеих, но признавала, что дела у них *в общем и целом* шли отлично.

Так что быть бывшей женой Делберта Грампа было, в сущности, *не так уж плохо*.

Однако и ужасная югославка, и бездарная актрисулька были бывшими женами Делберта Грампа – строительного магната. Она же сама могла стать бывшей женой Делберта Грампа – президента.

И это были совершенно разные вещи.

Еще раз вздохнув, Милена поднялась из кресла и проследовала в ванную. Пустив воду в ослепительно-белую купель (Делберт в подобных случаях вызвал бы прислугу, однако Милена ненавидела, когда на ее половине появлялись незнакомые люди, которые к тому же наверняка «стучали» мужу), она отправилась в спальню, чтобы переодеться. Женщина чувствовала, что после перелета из Вашингтона во Флориду ей требовалась горячая ароматная ванна.

В спальне, на небольшом приставном столике из палисандрового дерева, стоявшем около задрапированного тяжелыми шторами окна, Милена заметила роскошную корзину цветов, ее любимых желтых роз.

Сердце Милены забилося сильнее, она постыдилась, что только что думала о таких вещах, как *развод* или даже *вдовство*. Да, Делберт был своеобразным человеком, в личном общении далеко не всегда легким, но, как-никак, она была его законной супругой. И он подумал даже о таком пустяке, как корзина ее любимых цветов к моменту их прибытия во флоридскую резиденцию.

Милена подошла к корзине и вытащила продолговатый конверт, видневшийся среди длинных розовых стеблей. Вообще-то, не очень-то похоже на Делберта, он никогда не прикладывал никаких писем или посланий. Потому что исходил из того, что *и так* должно быть понятно, кто прислал роскошную корзину цветов. Но, не исключено, он хочет сообщить ей что-то, возможно, отметить ее старания, с которыми она играла роль первой леди или, к примеру...

Сообщить ей, что сам разводится с ней и женится на *этой французженке*?

Открывая конверт, Милена улыбнулась. Нет, она не имеет права думать о подобных *идиотских* вещах. Потому что при всех его недостатках, коих у него было великое множество, Делберт мог быть ласковым, страстным, великодушным...

Но через мгновение вложенное в конверт послание, напечатанное на продолговатом листке бумаги, вылетело у Милены из рук. Женщина, дрожа и не в состоянии поверить своим глазам, уставилась на лежавший на полу картонный прямоугольник.

Милена никак не могла поверить, что в конверте находится *именно такое* послание. *Но это значило...*

Это значило, что цветы были не от Делберта. Или, возможно, от Делберта, но послание уж точно *не от него*. Потому что Делберт *никак не мог* знать ни эту страшную фразу, ни тем более имя, которым она была подписана.

Чувствуя, что ее охватывает ужас, Милена осторожно нагнулась и поддела письмо ногтями. Может быть, она ошиблась, может быть, это была *идиотская шутка*...

Только вот кто бы мог пошутить таким циничным образом? К примеру, Злата и ее Джереми. Или, например, *ужасная югославка*. Или даже *эта французженка*.

Но никто из них – и в этом Милена не сомневалась – не имел ни малейшего представления ни о кодовой фразе, ни об имени, которым она была подписана. На листке по-герцословацки и по-английски было написано:

«Бабочка вспорхнула с вьющейся розы, напуганная появлением в беседке графини». И подпись *«Гордион»*.

* * *

Нет, не могло быть и сомнений, что это *та самая* фраза.

Милена уселась на пол и уставилась на послание. Она все эти годы думала, что все давным-давно закончилось. Что *они* оставили ее в покое. Что она никогда более не прочтет *эту* фразу.

Однако выходит, что *нет*.

Милена перечитала послание, а потом разорвала его на мелкие клочки и, *следуя инструкции*, направилась в туалет, чтобы смыть вещественные доказательства в унитаз.

Инструкция, которая была дана ей Комитетом государственной безопасности Герцословакии больше двадцати пяти лет назад, когда ее родина была еще коммунистической страной, а она сама – полной надежд студенткой, желавшей начать карьеру модели и получить возможность выехать за рубеж – если не в Париж, то хотя бы в братские страны социалистического блока, например в Россию.

И когда ее завербовал герцословацкий КГБ, сделав ее одной из своих многочисленных *неформальных сотрудников*, то есть простым агентом, в задачу которого входило поставлять информацию из студенческой среды, недовольной коммунистическим режимом, выявлять лидеров формирующегося подпольного студенческого движения, направленного на подрыв авторитета коммунистической власти, предоставлять сведения обо всем том, что могло бы заинтересовать могущественный герцословацкий КГБ.

Милена занималась вышеперечисленным спустя рукава, так как была вынуждена работать на КГБ, а не пришла туда по собственной воле.

Человеком, который тогда «вел» ее, был пузатый майор госбезопасности, которого следовало именовать «Гордион». С ним была согласована кодовая фраза, получив которую, Милена *письменно* обязалась выполнять любое поручение того, от кого эта кодовая фраза исходила.

Милена попыталась припомнить, сколько же лет прошло с тех пор, как ей в последний раз называли кодовую фразу. Это было давно, практически *в прошлой жизни*.

О своей недолгой работе на герцословацкий КГБ Милене вспоминать не хотелось. И, разумеется, о нем никто не знал.

Уж точно не Делберт.

Ведь если бы она сообщила тогда, еще до их свадьбы, о том, что по глупости сделалась агентом герцословацкого КГБ, то Делберт, еще тогда ужасно боявшийся силовых органов Восточной Европы (что теперь, после скандала с *коварными русскими* и его воцарения в Белом доме, превратилось в навязчивый пунктик), наверняка тут же бы ее бросил.

И она бы не была теперь первой леди США (что хорошо), однако у нее не было бы сына Тициана (что плохо).

Наверное, у нее был бы другой ребенок, однако Милена и помыслить не могла о том, чтобы поменять Тициана на кого-то другого. Нет, она не сожалеет, что все получилось именно так, как получилось.

Смыв ошметки послания в унитаз, Милена некоторое время смотрелась в зеркало, а потом, вздохнув, стала снимать косметику.

Значит, *они* все же решили возобновить с ней контакт. Только вот кто были эти самые *они*? Герцословацкий КГБ после крушения на ее родине коммунистического режима в начале девяностых приказал долго жить. И Милена, которая к тому времени была уже достаточно известной фотомodelью, причем фотомodelью по герцословацким меркам обеспеченной, приложила все усилия, чтобы получить доступ к столичным архивам КГБ и *изъять* из него досье, в котором было указано ее кодовое и настоящее имя и хранились все ее донесения.

Те донесения, которые она в свое время отправляла в КГБ.

Так поступала не только она, но и многие из герцословацкого бомонда – те, кто, как и она сама, *был вынужден* работать на органы госбезопасности.

Досье она изъяла. Завербовавший ее пузатый майор – она даже наняла частного детектива, чтобы тот следил за человеком, который раньше следил за ней самой – уволился, подался в бизнес, а потом несколько лет спустя скончался при не вполне выясненных обстоятельствах.

Мир его праху! Милена, однако, быстро убедилась, что, видимо, у КГБ и тех структур, которые пришли ему на смену, имелась вторая – тайная – картотека. Или майор все же кому-то что-то разболтал. *Или...*

Вариантов было множество.

Но факт оставался фактом: какое-то время спустя, когда она уже жила в Париже и стала лицом модного дома Жана-Поля Годо, ей снова пришлось столкнуться с человеком, который назвал ей кодовую фразу. И на которого ей пришлось *работать*.

Хуже всего было то, что, как со временем поняла Милена, герцословацкий КГБ то ли отдал, то ли, кто знает, продал кое-какие секретные архивные данные Москве. Милене было, в сущности, все равно, на кого работать, однако проблема заключалась в том, что она не хотела

работать уже ни на кого, ее карьера резко пошла в гору, ее лицо (и тело) появлялось на обложках самых престижных глянцевого журналов, она получала более чем солидные гонорары.

А тут эта абсолютно идиотская история с работой на разведку, к тому же, выходит, русскую.

Поэтому ей удалось найти тогда *выход из ситуации*. И вот уже многие годы она ничего не слышала о людях, на которых работала. В тот момент, когда Делберт объявил о своем желании баллотироваться в президенты США, она, конечно, опасалась, что вся история вдруг вылезет наружу.

Ее страх только увеличился, когда Делберт победил на выборах. Потому что его с подачи Старой Ведьмы и так открыто обвиняли в том, что он работает на Кремль и что именно русские хакеры помогли ему победить на выборах.

Милена точно знала, что на Кремль супруг не работает, как точно знала и то, что если вдруг станут известны неприглядные факты из ее биографии, например, то, что она в течение нескольких лет работала на герцословацкий КГБ, а потом даже, судя по всему, на Москву, то...

То самым невинным последствием этого небывалого, невыдуманного скандала станет немедленная отставка Делберта.

Делберт, конечно, никогда и ни при каких обстоятельствах сам не откажется от власти, однако у него было достаточно могущественных врагов, в том числе и среди соратников по партии, которые спали и видели, как заполучить компромат на Делберта – и вынудить его покинуть Белый дом.

В политике Милена не разбиралась, однако понимала, что удержаться в президентском кресле Делберту при таком раскладе не удастся. Ему не наносило ущерба то, что до (и даже после) выборов стали известны пикантные подробности его личной жизни и несколько женщин заявили, что он их грязно домогался и даже переспал с ними.

Милена была тогда удивлена исключительно тем, что объявились всего пять или шесть дам. Вообще-то, должны были подать свой голос пять или шесть *десятков*. Но Делберт всегда хорошо платил за молчание, а его юристы умели заключать тайные соглашения, принуждавшие дамочек держать рот на замке под угрозой потери тех немалых денег, которые были им выплачены Делбертом.

Вскрывались и прочие грешки Делберта, которых водилось за ним великое множество. Его сомнительные сделки. Его шокирующие оскорбительные высказывания. Его попытка уйти от уплаты налогов. Его сомнительные финансовые схемы. Всплыл скандал, в котором был замешан названный его именем университет, который «кинул» несколько тысяч студентов. Пищевые добавки, которые он рекламировал и которые оказались *полным фуфлом*. Его автобиография, в которой он многих полил грязью и поведал миру истории – меньшей частью подлинные, а большей – вымышленные – о многих известных личностях, причем истории *далеко не самые лицеприятные*. Даже тот факт, что автобиография вместе со всеми историями была написана не самим Делбертом, хотя его имя значилось на обложке, а командой литературных негров, которым был обещан процент с продаж и которых Делберт в свойственной ему манере просто-напросто оставил ни с чем, поэтому они подали на него в суд (и в итоге, *что интересно*, проиграли процесс).

Историй было великое множество, и, вероятно, это было на руку Делберту, потому что публика, даже критически к нему настроенная, в какой-то момент просто пресытилась новыми разоблачениями в адрес кандидата в президенты, а впоследствии президента США, и все эти скандалы если и влияли на и без того рекордно низкий рейтинг мужа, то весьма незначительно.

Потому что все эти истории соответствовали эпатажному имиджу Делберта Уинстона Грампа и странным было бы не наличие подобных скандальных моментов, а их *отсутствие*.

Но одно дело – это истории самого Делберта, и совершенно другое – *это история его жены*. К тому же она ведь в самом деле работала на герцословацкий КГБ. А потом, выходит,

и на *коварных русских*. А ведь Делберта упрекали в том, что он давно продан с потрохами Москве и был марионеткой кремлинов.

Милена была уверена, что это не так, потому что при всем при том Делберт был крайне расчетливым и осторожным человеком. Однако он не имел ни малейшего представления о том, что тем человеком, который продан иностранным спецслужбам и работал на Москву, была *она, Милена*.

И Милена страстно желала, чтобы так все и оставалось, чтобы никто и никогда не узнал об этом *далеко не самом приятном* факте ее биографии.

Она была уверена, что все осталось в прошлом, но прошлое снова протянуло свои клешни в настоящее.

И этого скандала, связанного не с ним самим, а с *его женой* (а всплытия подобного компромата Делберт и его команда, конечно же, не ожидают и не обладают необходимой стратегией, чтобы попытаться разрулить ситуацию), причем скандала, основанного не на предположениях и недоказанных фактах, а на фактах *вполне реальных*, президентству Делберта не пережить.

И выходит, что то, будет ли муж оставаться хозяином Белого дома или нет, зависело от нее самой. Ну, и от тех людей, которые много лет спустя решили снова *возобновить с ней контакты*.

Лежа в ароматной ванне, Милена напряженно размышляла о том, что же ей теперь предпринять. Ее шаги напрямую зависели от того, что же потребует от нее *Гордион*.

Старый, завербовавший ее *Гордион*, был давно мертв, однако имелся некто, кто прикрывался тем же именем.

Неужели они хотят, чтобы она теперь поставляла им информацию из Белого дома, из семьи президента? Потому что иначе зачем еще *они* объявились.

Милена подняла вверх ногу, пытаясь понять, не оплыли ли немного формы. Однако ее мысли крутились вокруг *Гордиона*.

Пока что *они* просто объявились, и она не знала, что от нее потребуется. Быть может, ничего. Но тогда зачем они послали это письмецо?

И вообще, каким образом *они* смогли подложить это послание в ее спальню? Выходит, что *они* получили доступ в охраняемую секретной службой, пусть и частную, резиденцию президента США? Или *они* внедрили своих людей в секретную службу? Маловероятно. Но полностью не исключено.

Или тот, кто работает на них, одновременно является прислугой в «Зимнем Белом доме»? Судя по всему, это уже ближе, надо будет узнать, кто был принят на работу недавно.

Или... Оставалась еще одна возможность, от которой Милену снова бросило в дрожь. На них работал кто-то из ближайшего окружения Делберта и, не исключено, что *из его собственной семьи!*

Конечно, работал – она сама. Но не исключено, что и помимо ее самой еще кто-то. Но кто? *Кто?*

* * *

Чувствуя, что у нее начинает трещать голова, Милена встала из ванны и, не вытирая пену, завернулась в большой махровый халат.

Ужаснее всего было бы, если бы на *них* работали Злата или Джереми. Хотя почему ужаснее всего?.. Ведь если они тоже работают на Москву, как, выходит, и она сама, то их можно будет держать на крючке. И заставить переменить к ней, Милене, отношение.

Хотя на роль осведомителя Москвы больше всего подходила *ужасная югославка*. Она ведь попросту убежала из Чехословакии, пусть и сорок лет назад, причем удрала оттуда на

лыжах через австрийскую границу, потому как была в то время чемпионкой страны по лыжном спорту.

Милена вздрогнула. *Вот почему* Ясне удалось без проблем пересечь охраняемую границу! Потому что она уже тогда работала на них – и они намеренно отпустили ее на Запад, помогли ей завести знакомства среди сильных мира сего и стать первой женой американского миллиардера.

Милена обрадовалась, что обнаружила «крота», но потом приуныла. Ясны ведь в «Зимнем Белом доме» не было – она должна была прибыть то ли вечером этого, то ли утром следующего дня. И уж явно не пряталась где-то в стенном шкафу, тайно заявившись сюда пораньше.

Выходит, у Ясны имелись здесь *свои люди*, которым она дала поручение. Милена скептически хмыкнула, рассматривая свое лицо в зеркало. Да, в самом деле, придется снова делать уколы ботокса. Да и на круговую подтяжку неплохо бы лечь, однако Делберт заявил, что она должна сопровождать его в скором турне по странам Азии, а ведь она хотела, пользуясь его отлучкой, исчезнуть на несколько недель и посвятить время улучшению внешности.

И почему она не могла выглядеть всегда так же, как в двадцать четыре?

Рассматривая морщинки, Милена напряженно думала о том, что Ясна, *будь она Гордионам*, не рискнула бы перепоручать кому-то столь щекотливую миссию. Хотя ведь Милена отмечает кандидатуру ужасной югославки лишь по той причине, что ее нет на данный момент в особняке, а не исключено, что Ясна с самого начала так задумала, попросив, к примеру, свою дочурку Злату подложить мачехе письмо с невинным содержанием. И Злата, об истинной подоплеке, конечно же, не догадывавшаяся, с радостью исполнила эту просьбу своей громогласной и, не исключено, работающей уже больше сорока лет на Москву мамани.

Да, похоже, все сходилась... Милена вдруг ощутила, что головная боль прошла. Значит, Ясна... Ну что же, если вести ее поручено теперь *ужасной югославке*, то она ей покажет! Потому что они просчитались – никаких сведений она никому поставлять не будет. И не по той простой причине, что она так верна мужу или интересам своей новой родины, США.

Хотя и это тоже.

Просто Милена не желала стать причиной краха карьеры мужа. Потому что в таком случае он не просто лишит ее денег и сына, он попросту ее *уничтожит* – причем, вероятно, не только в финансовом и психологическом, но и в *физическом* плане.

Быть президентом Делберту ужасно нравилось, более того, он считал, что по-другому и быть, собственно, не может и что страна без него окончательно рухнет в тартарары. И на любого, *абсолютно любого*, кто лишит его места в Белом доме, причем лишит совершенно неожиданно и без малейшей вины с его стороны, он обрушит весь свой справедливый гнев. И растопчет это ничтожество. Даже если таковым будет являться его жена и мать его младшего сына.

Кроме того, Милене совершенно не улыбалось коротать остаток жизни или, по крайней мере, *многие годы* в федеральной тюрьме – а там она непременно окажется по обвинению в государственной измене и шпионаже, что в общем и целом соответствовало действительности.

Но только в том случае, если она сейчас пойдет на контакт с *Гордионом* и будет поставлять ему – *или ей* – информацию из самого центра власти.

И это значило, уязвимыми были не только она сама, но и сам *Гордион*, в данном случае – *эта ужасная югославка*. Потому как ей ведь тоже не захочется провести остаток жизни в тюрьме, а югославке было под семьдесят, у нее было трое взрослых детей и выводок внуков.

Поэтому – Милена улыбнулась и принялась втирать в лицо дорожный крем – она найдет с Ясной общий язык и сумеет довести до ее сведения тот факт, что им лучше работать не против друг друга, а *исключительно вместе*.

И все же Милена волновалась, причем весьма сильно, когда спустилась к ужину в Золотую столовую, где собралось президентское семейство. Она долго выбирала, что же ей надеть,

и остановила свой выбор на бирюзовом платье дома Годо. Вероятно, те годы, когда она работала на Жана-Поля, были лучшими в ее жизни. Или, во всяком случае, *наиболее бурными...*

* * *

Когда Милена появилась в Золотой столовой, практически все были уже в сборе, только сам глава семейства еще не появлялся. Профессиональным глазом Милена отметила, что все именно так, как к этому привык Делберт. Верный Франклин в белых печатках и с невозмутимым выражением лица стоял в стороне и наблюдал за тем, как прислуга бесшумно подает напитки и легкие закуски.

Милена легко кивнула в сторону старого дворецкого (она делала так же, как поступала в свое время и Жаклин, о чем тактично сообщил ей сам Франклин) и подошла к невысокой рыжеволосой особе, которая рассказывала что-то громким верещащим голосом.

– Добрый вечер, Шэрон, – приветствовала она вторую супругу Делберта, бездарную актрисульку, мечтой которой был «Оскар», однако которая, несмотря на свой почтенный возраст, не добилась ни единой номинации, причем не по причине интриг ее голливудских недоброжелателей, как Шэрон постоянно твердила, а вследствие полного отсутствия актерского таланта. И даже тем, что Шэрон время от времени снимали во второстепенных или эпизодических ролях в *идиотских* комедиях или не менее *идиотских* фильмах ужасов, она была обязана не своим способностям, а исключительно влиянию бывшего мужа и его друзьям – владельцам киностудий. Последние годы Шэрон подвизалась на ниве врачебных сериалов, играя стержневую профессоршу, гения нейрохирургии, но даже кастинг она прошла опять же благодаря Делберту, который замолвил словечко за свою бывшую жену перед кем надо.

– Ах, милочка, добрый вечер! – ответила та, обмениваясь с Миленой поцелуем в щеку, но даже не смотря в сторону хозяйки. – И тогда я поняла, что эти ничтожества пытаются принизить мою роль в нашем сериале. Интриги, интриги, интриги! Ведь весь сериал держится исключительно на мне, а они заявили, что так как рейтинги девятого сезона резко упали, то пока что никто не может гарантировать, что десятый, юбилейный, все же будет сниматься. А если и будет, то без моей героини, которая должна умереть, раздавленная поездом, в самом конце последней серии девятого сезона.

– Мама, ты не имеешь права разглашать подобные детали, – произнесла сидевшая на одном из диванов несколько толстоватая девица с блеклыми волосами – дочь Шэрон от Делберта, которую звали Эйприл.

Вообще-то, Эйприл родилась в марте, на несколько недель раньше положенного, но Делберт, рассчитывавший, что она появится на свет в апреле, в том же месяце, когда родилась и чтимая им матушка, настоял, чтобы ее все равно назвали именно так.

Эйприл, опять же благодаря отцу, снялась в нескольких незначительных фильмах, хотя Делберт и заявлял громко, что таланта у нее ни на грош и что лучше бы она занялась чем-то иным, например, вышла замуж за приличного биржевого брокера и родила Делберту парочку внуков.

И он был прав, как всегда, выдав то, что у всех и так вертелось на языке. Таланта у Эйприл было ни на грош, однако она, как и мамочка, не желала это признавать. Впрочем, девчонка была особой безобидной, в отличие от своей старшей сестрицы, Златы.

– Ах, в самом деле, я и забыла! – всплеснула руками Шэрон. – Ну, ничего, претензий у них не будет. Потому что если что, то я пригрожу им карами со стороны Белого дома! И вообще, почему Делберт не может подписать президентский указ, обязывающий их снимать меня во всех ролях, в которых я хочу?

Самое ужасное, что Шэрон не шутила, а задала вопрос *на полном серьезе*.

Эйприл хмыкнула и углубилась в свой смартфон, с которым возилась всегда и везде, ведя какой-то блог, впрочем, после избрания ее отца президентом набравший популярность.

– Наверное, потому что Верховный суд в два счета признает подобный декрет неконституционным! – раздался серебристый голосок Златы, которая, облаченная во что-то простое белое, но удивительно ей шедшее, вошла с Золотую столовую, сопровождаемая нянькой, державшей на руках прелестных близнецов. – Всем добрый вечер!

– Ах, но Делберт же назначил туда недавно своего человека! – затрещала Шэрон. – Так пусть суд принимает то решение, которое нужно Делберту!

Злата, усмехнувшись, произнесла:

– Думаю, что тебе все же проще сменить имя, Шэрон.

Это уже давно стало своего рода семейной шуткой – Шэрон придерживалась мнения, что ее карьера буксует в том числе и потому, что в Голливуде уже имеется «звезда» с таким именем – Шэрон Стоун. И что вторую с таким же именем голливудские боссы не пропустят.

Впрочем, когда какое-то время Шэрон снималась под роскошным псевдонимом, ситуация коренным образом не менялась. Поэтому она все же вернулась к своему имени и на каждом углу заявляла о том, что была когда-то замужем за нынешним президентом и что у нее имеется от него дочка.

Шэрон раскрыла рот, явно не ведая, что возразить (подобное случалось с ней не больше трех раз в год), а в этот момент, шумя, звеня и пыхтя, в Золотую столовую *вкатилась ужасная югославка Ясна*, сопровождаемая своим зятем, Джереми, мужем Златы.

– Ах, какая ужасная погода! – заявила со своим раскатистым акцентом Ясна, и Милена поморщилась – разумеется, мамаша Ясны говорит *с еще более явным акцентом*, чем она сама, однако Злата, *прекрасно это понимая*, гнобит свою мачеху, постоянно намекая на то, что она не может понять то, что та говорит.

Ясна – когда-то обладавшая прелестной фигурой и ангельским личиком – превратилась в последние годы в дебелую матрону, обожающую экстравагантные наряды на два, если не все три размера меньше тех, которые ей требовались на самом деле, сверкающие драгоценности и виски.

– Этот ураган, будь он неладен! – продолжила Ясна, тотчас завладевая всеобщим вниманием. – Как хорошо, что из Нью-Йорка мы летели вместе с милым Джереми! Моя дорогая девочка, тебе крайне повезло с мужем! Он у тебя такой умный и красивый!

Милена закатила глаза. Как всегда, когда Ясна появлялась в доме своего *бывшего* мужа, она тараторила без умолку и выдавала свое мнение по любому вопросу.

И эта опереточная особа является Гордионом? Милена еще раз взглянула на громогласно произносящую очередную банальность Ясну. А почему бы, собственно, *и нет?* Потому что маска, под которой скрывается Гордион, просто великолепная. Никто и никогда не посмеет заподозрить эту говорливую, безвкусно, но крайне дорого одетую особу в том, что она уже в течение сорока или даже более лет – герцословацкий, а теперь, по всей видимости, русский шпион.

Как и то, что шпионом является сама Милена.

Милена отметила кислое выражение лица Шэрон – та не выносила Ясну, но не потому, что та в свое время, когда Делберт с ней развелся, дала интервью, в котором обещала застрелить соперницу, чем наделала много шума (и что позволило ей выбить из Делберта при разводе почти на двадцать миллионов больше, чем он изначально предлагал), а потому, что Шэрон, махровая эгоистка, не могла выносить присутствия кого-то, кто привлекал всеобщее внимание еще в большей степени, чем она сама.

Милена ощутила, что у нее вспотели ладони. Если *Гордион* – это Ясна, то она играет свою роль гениально. Вот уж кто точно заслужил «Оскара» за актерское мастерство и роль первого плана, а то и за достижение всей жизни.

Если...

Да, в этом, похоже, был весь вопрос. Если не Ясна, то *кто еще?* Отчего-то Милену не покидало ощущение, что за ней исподтишка ведется наблюдение. И она права: *Гордион* – некто из ближайшего окружения мужа.

Вероятно, из его семьи. И, более того, этот человек находился сейчас в Золотой столовой, в нескольких метрах от нее самой.

Только вот кто он?

Джереми, стройный, с аккуратным пробором брюнет, поцеловал Злату и подбросил кверху сначала одного из близнецов, потом другого. Золотая столовая заполнилась детским смехом – явление не такое уж и частое.

Наблюдая за ним, Милена, при всей неприязни к этой чете интриганов и манипуляторов, не могла не отметить, что Злата и Джереми были чертовски красивой парой и, вне всякого сомнения, любили и доверяли друг другу.

Увы и ах, ни светская красавица Злата, ни ее идеальный Джереми уж точно не могли быть *Гордионом*. Было бы, черт побери, неплохо, если бы русским шпионом, более того, координатором сети «кротов» в США, оказался бы, к примеру, циник Джереми или его зубастенькая Злата. Или, лучше всего, *они оба*. Но Милена понимала, что это крайне маловероятно. В биографии и того, и другой не было никаких моментов, когда они могли попасть в руки Кремля и продаться ему с потрохами.

Хотя...

Смотря с тонкой дежурной улыбкой на счастливого Джереми, который, вне всякого сомнения, был заботливым отцом, и на расцветшую подле него красавицу Злату, Милена припомнила, что в семействе Джереми лет десять или даже пятнадцать назад разразился дикий скандал: отец-бизнесмен предстал перед судом за мошенничество, а мать-политик, видный и весьма влиятельный член Демократической партии, некогда лучшая подруга Старой Ведьмы (пути господни в самом деле *неисповедимы!*), сама не скрывавшая президентских амбиций, была вынуждена отказаться от места в Сенате, потому что обвинялась в пособничестве мужу.

В итоге отец Джереми отправился за решетку на полгода, семейство было вынуждено выплачивать гигантскую многомиллионную компенсацию, карьера матери оказалась разрушена – и ее место в Сенате заняла Старая Ведьма.

Интересно (думала Милена), а если бы мать Джереми не оказалась тогда перед судом и продолжила свою политическую карьеру, звезда Старой Ведьмы так бы и не возшла и противником Делберта на минувших выборах стала бы его собственная сватья, или все-таки все сложилось бы так, как сложилось?

Как бы то ни было, политические хитросплетения Милену занимали гораздо меньше, чем тот факт, что семейство Джереми *подозрительно быстро* и без особых потерь для их роскошного образа жизни смогло выплатить компенсацию, а также гигантский штраф в пользу государства. И это несмотря на то, что отец Джереми объявил себя банкротом. А они ведь даже свой пентхаус на Верхнем Ист-Сайде не продали.

Конечно, было вполне вероятно, что у них где-то, наверное, даже в заграничных офшорах, существовала тайная кубышка, о которой финансовые органы США не имели представления. Или семейство Джереми, в том числе и он сам, продалось с потрохами иностранной разведке за то, что их новые покровители помогли им разделаться с серьезными долгами.

– Бирюзовый тебе не идет! – раздался голос Ясны подплывшей тем временем к Милене и лезущей к ней со своим поцелуем.

Причем произнесла она это *по-герцословацки!* И практически без акцента! Хотя раньше уверяла, что герцословацким не владеет и знает только несколько слов, не более.

Значит, *врала?* Значит, она в самом деле *Гордион?*

Милена знала, что бирюзовый ей идет как никакой другой, однако не поддавалась на провокацию, позволив себе, однако, заметить:

– О, ты выглядишь отлично, но ты ведь поправилась?

Сдобное лицо Ясны, увенчанное башней из обесцвеченных в стиле «безудержных восьмидесятых» волос, скривилось – она ненавидела, когда кто-то упоминал о ее лишнем весе, с которым она никак не могла разделаться по причине любви к итальянской кухне.

Милена ждала, что Ясна, если она и в самом деле *Гордион*, даст какой-либо намек или обронит вроде бы невинную, но на самом деле роковой фразу. Однако та, запечатлев на щеке Милены поцелуй, пророкотала, на этот раз на своем кошмарном английском:

– А ты все худеешь и худеешь? А у тебя случаем не анорексия, дорогая моя? Или, быть может, *рачок*? Если надо, могу посоветовать хорошего онколога в Филадельфии.

– А, это тот, который делал тебе мастэктомию и в чьей клинике ты едва не отдала концы из-за неправильной дозировки наркоза? – осведомилась Милена, и лицо Ясны, еще больше, чем разговоры о ее лишнем весе ненавидевшей упоминания об удалении одной из ее молочных желез, дернулось, и первая супруга Делберта отвалила в сторону.

Так она или нет?

Милена, сладко улыбаясь, обвела присутствующих взглядом. Ну что же, если предположить, что Ясна не была *Гордионом*, то кто тогда им был?

Например, себялюбивая бездарь Шэрон? Милена едва не рассмеялась, однако, поразмыслив, пришла все же к выводу, что мысль эта не лишена логики. Ведь актриска, несмотря на более чем щедрые (хотя, конечно, не такие, как у Ясны) отступные при разводе с Делбертом, имевшем место шестнадцать или около этого лет тому назад, постоянно нуждалась в деньгах. Что значило: *коварные русские* могли купить ее с потрохами.

– Ах, мои любимые мальчики! – раздался громоподобный голос Ясны, когда в Золотую столовую один за другим вошли двое высоких, широкоплечих, удивительно друг на друга похожих молодых мужчин. Это были старшие сыновья Делберта от брака с Ясной – Делберт Грамп II, названный в честь отца, и Уинстон Грамп III, получивший имя в честь деда.

«Мальчикам», что одному, что другому, было далеко за тридцать, у каждого из них имелся выводок детей, однако в «Зимний Белый дом» они прибыли одни: отец-президент считал – наверное, не без основания – своих невесток *идиотками*, терпеть не мог малышни и делал единственное исключение для близнецов Златы.

Делберт-младший и Уинстон приветствовали Милену кивками, однако подойти не соизволили – они были на стороне своей матушки, которая находилась в контрах с мачехой, и не делали секрета из того, что считают Милену *неудачной партией*.

Взгляд Милены упал на возившуюся со своим смартфоном Эйприл. Нет, девчонка к этому точно не причастна! *Хотя бы по причине своего нежного возраста*. Однако следовало исподтишка расспросить ее, возможно, она что-то знает или даже полностью в курсе махинаций своей бездарной мамы.

С бездарной мамашей Эйприл, Шэрон, оба сына Ясны расцеловались, как со второй матерью, хотя Милена была в курсе, что, когда та вышла замуж за их отца, Делберт-младший, тогда подросток, грозился убить мачеху, а Уинстон обещал ему в этом помочь.

А вот с единокровной сестрой у обоих молодых мужчин сложились гораздо более теплые и доверительные отношения, чем с сестрой родной. Милена не без удовольствия отметила, что оба сына Ясны не одарили поцелуями не только ее саму, но и свою родную сестренку, Злату. И тот и другой явно считали, что она слишком зазналась и вместе со своим правильным муженьком оказывает влияние на папу-президента, в то время как оба молодца вынуждены заниматься бизнесом и к большой политике, *да и малой, наверное, тоже*, принципиально не допускаются.

А что, если кто-то из двух братьев? Только вот кто – Делберт-младший или Уинстон? Или, кто знает, может, *они оба*?

Представить, что одного увальня, что другого в роли шпиона, работавшего на *коварных русских*, Милена упорно не могла, однако понимала, что настоящий *Гордион* наверняка меньше всего похож на московского резидента. А так как именно оба брата *меньше всего* походили на оно, то, следовательно, шансы на то, что они *таковыми являлись*, были высоки.

Милена вздохнула. Как же все это сложно!

* * *

В Золотую столовую вкатился пресс-секретарь Стивен Маккиннон, которому было дозволено отужинать с президентской семьей, а вслед за ним, вихляя бедрами, вплыла Лоретта Роуз-Иден.

Их Милена тотчас отмела, однако потом поняла, что *зря*. Ведь предостаточно было известно фактов, когда шпионами оказывались высокопоставленные работники администрации. Так почему же им не мог быть Стивен или, скажем, Лоретта?

Тогда уж Лоретта, потому что она была безгранично цинична, жадна до денег и жестока. Найти в ее многочисленных шкафах скелет и ее завербовать *коварным русским* явно ничего не стоило.

А вот Стивен на роль шпиона, тем более координатора целой сети, которым, без сомнения, являлся *Гордион*, явно не годился. Ведь Стивен, и в этом Милена имела возможность убедиться множество раз, был туп как пробка. Именно поэтому Делберт и взял его на должность пресс-секретаря Белого дома. *Умные* личности на этом посту мужу не требовались.

Однако что если Стивен всего лишь играет роль своей жизни? И, прекрасно зная, что президент не выносит людей, в интеллектуальном плане его превосходящих, разыгрывает из себя дурачка?

Уфф, похоже сбрасывать со счетов нельзя решительно *никого!*

– О, как я рад, месье президент, что удостоился такой великой чести... – донесся до Милены пронзительный голос стилиста мужа, Луи-Огюста. Милена ощутила, что давно прошедшая головная боль вдруг снова ржавым гвоздем воткнулась в череп.

В Золотую столовую тяжелой медленной поступью вошел Делберт. Как обычно, в черном костюме. Как водится, с красным галстуком – муж вообще любил все красное, считая, что это цвет победителей.

А ведь он всегда был победителем.

Все мгновенно смолкли, даже вившийся около него гибкий стилист замолчал, хлопая длинными, как отметила Милена, явно накладными ресницами.

Раздались аплодисменты – это пресс-секретарь Стивен Маккиннон ожесточенно захлопал в ладоши, приветствуя своего шефа. Постепенно к нему присоединились и все прочие присутствующие. Милена, смыкая и размыкая ладони, обвела тех, кто находился в Золотой столовой, взглядом.

Неужели один из них – *Гордион*, или она навывдумывала бог знает что?

Супруг купался в аплодисментах, а на его массивном лице играла счастливая улыбка. Милена давно поняла, что Делберт, несмотря на тот факт, что ему было за семьдесят, в эмоциональном плане находился на уровне восьмилетнего ребенка, причем ребенка *капризного и плохо воспитанного*.

И желающего получить только одно – всеобщее одобрение, более того, восхищение и безграничную любовь.

Делберт царственным жестом поднял вверх руку, и аплодисменты немедленно стихли.

– Эти идиоты в сенате только что проголосовали «за»! – важно произнес он, и Милена попыталась припомнить, о каком же законопроекте администрации мужа шла речь. То ли о строительстве стены на границе с Мексикой, то ли о радикальном снижении налогов. В любом случае после ряда поражений последних месяцев это был крупный успех супруга-президента – впрочем, успех единственный и явно сопряженный с рядом компромиссов, так как в Сенате после промежуточных выборов большинство принадлежало теперь демократам.

Делберт произнес короткую прочувственную речь, смысл которой, как обычно, сводился к тому, что он – самый успешный и прозорливый президент за все существование Соединенных Штатов.

Милена заметила медленно вошедшего в Золотую столовую сына. Отец-президент, на мгновение смолкнув, грозно посмотрел на младшего отпрыска, однако ничего не сказал – Делберт *ужасно* не любил, когда после него кто-то заходил в помещение.

Муж продолжил прерванную речь, а Тициан, улыбнувшись Эйприл, с которой он нашел общий язык, со всего размаху плюхнулся на диван подле нее и уставился в ее смартфон. Молодые люди, хихикая, стали переговариваться, а Делберт, на глазах багровея, вдруг заорал:

– Эй, вы, два бездельника! Когда говорит ваш президент, вы должны молчать!

Эйприл ойкнула, так как боялась вспышек гнева Делберта, которого не так уж хорошо знала, так как почти с самого рождения жила с матерью. Тициан же, не поднимая глаз на родителя (потому что тот превращался в бешеного быка, если кто-то пялился на него в тот момент, когда у Делберта было плохое настроение), демонстративно натянул наушники и включил музыку на своем смартфоне.

Делберт, которого в любой момент мог хватить апоплексический удар, подскочил к Тициану, сорвал у него с головы наушники и провизжал:

– Гадкий мальчишка, ты что себе позволяешь! Знаешь, что мой отец сделал бы со мной, если бы я посмел его послушаться?

Тициан вздернул крутой, как у отца, подбородок и уставился на Делберта. Желваки у сына заходили, и Милена поняла, что он раздумывает над каким-то смешным и, что ужаснее всего, оскорбительным для родителя ответом.

Не хватало еще, чтобы он ляпнул нечто, отчего Делберт окончательно потеряет голову и устроит ему выволочку. Поэтому Милена подала знак нервничавшему скрипачу, и тот вместе со своими коллегами заиграл. Полилась божественная прозрачная музыка, служившая для прислуги знаком, что можно подавать ужин, и из глубин столовой вышел невысокий толстенький человек в белом кителе, с абсолютно лысой головой и длинными черными усами – это был шеф-повар «Зимнего Белого дома», итальянец Джанфранко.

– Ах, синьор президенто, как же я рад вас видеть! – произнес он с сильным итальянским акцентом и отвесил поклон чуть ли не до земли.

Делберт, зависший над побледневшим Тицианом, несколько мгновений не двигался, а потом отошел от дивана и, одернув пиджак, повернулся в сторону шеф-повара. Лицо мужа было по-прежнему искажено гримасой ярости, однако его цвет постепенно пришел в норму.

Милена заметила ухмылки на лицах двух старших братьев Тициана – отпрыски Ясны относились к подростку с еле скрываемым презрением, и все потому, что Делберт часто ставил младшего сына в пример старшим, заявляя, что если кто и станет в их семье еще одним президентом, то явно не они, а Тициан.

Напряженная обстановка разрядилась, члены клана Грампов стали стекаться к огромному, расположенному в другой части Золотой столовой столу.

Милена заметила Ясну, подошедшую к положившему на диван ноги в кроссовках Тициану.

– Какие у тебя, мальчик, однако, плохие манеры! – сказала Ясна. – Мои ребята никогда так не вели себя с отцом!

Милена, тоже подойдя к дивану, проговорила:

– Ты права, Ясна, *так* они себя не вели. Они доставляли Делберту *гораздо больше* проблем. Например, когда твой старший попался с наркотиками и Делберту пришлось приложить большие усилия, чтобы отмазать его от тюрьмы. Или когда твоего младшего обвинили в нанесении тяжких телесных повреждений девице с пониженной социальной ответственностью, которую он пригласил к вам в пентхаус и с которой занимался черт знает чем на вашем супружеском ложе.

Ясна фыркнула. Она явно не знала, что сказать, и только пророкотала:

– Убери ноги с дивана! Знаешь, сколько он стоит?

– Двадцать шесть тысяч пятьсот сорок долларов, – ответил Тициан, показывая Ясне свой смартфон. – Вот, посмотрите, можно купить в интернет-магазине и выбрать удобный для вас день и час доставки.

Ясна отвалила в сторону, а Милена поймала на себе тяжелый взгляд Джереми. Тот, разглядывая ее и Тициана, явно о чем-то размышлял. И Милена многое бы отдала, чтобы узнать, *о чем именно*.

Перехватив ее взгляд, Джереми одарил ее своей очаровательной улыбкой пай-мальчика и присоединился к Злате и своим близнецам. Милена почувствовала, что ей отчего-то сделалось не по себе.

Подойдя к Тициану, она тихо заметила:

– Прошу тебя, не зли отца, тем более когда собралась вся семья.

– *Они* мне не семья, – ответил подросток, и Милена поняла, что он прав.

Вздыхнув, она потрепала его по голове, но Тициан увернулся и пробормотал:

– Мама, я уже не маленький! Мне уже пятнадцать!

Уже или еще? Милена провела пальцами по щеке сына и добавила:

– Прошу тебя, через день все они разведутся...

– Но мы-то с тобой останемся! – ответил Тициан, однако перечить не стал и, улыбнувшись, сделался похож на ангела с полотна какого-нибудь гениального итальянца эпохи Возрождения. Поэтому-то Милена и настояла на том, чтобы назвать сына не в честь отца, деда или прадеда Делберта – *или самого Делберта*, – а выбрать для него иное имя. Это был единственный, по сути, раз, когда она пошла против воли мужа и настояла на том, чтобы поступили в соответствии с ее желанием. Она не хотела никакого очередного Делберта, Уинстона или Исайи. Поэтому мальчика назвали Тицианом Леонардо.

Правда, острая на язык Злата уже тогда запустила слушок о том, что Леонардо мальчика нарекли не в честь да Винчи, и исключительно в честь Ди Каприо, по которому Милена якобы сохла и чьей подругой являлась.

Милена на самом деле, когда была фотомodelью, была шапочно знакома с голливудской звездой, даже когда-то давным-давно присутствовала на организованной им шикарной вечеринке (как, впрочем, и без малого *четыре*ста других приглашенных представителей бомонда), однако никогда плотно с ним не общалась и уж точно не была его любовницей и не сохла по нему. Однако ей пришлось даже оправдываться тогда перед Делбертом, заявляя, что с Ди Каприо ее ничего не связывает. Причем Делберт, кажется, так и не поверил – и до сих пор запрещал жене и младшему сыну смотреть фильмы с участием Лео.

Повод выеденного яйца не стоил, все это походило на бурю в пробирке, однако таков был Делберт, и Милена понимала, что Злата отлично сыграла на подозрительности и мнительности своего эксцентричного отца и заронила в его душу зерно сомнения, которое дало ядовитые всходы, которые колосились, по сути, до сих пор.

– Мы с тобой останемся. Потому что это *наша жизнь*, не так ли? – произнесла Милена, понимая, что им надо немедленно пройти к столу – муж уже вещал об успехах своего прези-

дентства, а все внимали его панегирику самому себе. И было крайне странно, что его жена и младший сын ведут особый разговор где-то в другой части огромного помещения.

Тициан последовал за Миленой и опустился на предназначенный для него раззолоченный стул. Женщина увидела, как сидевший около него Делберт-старший отпустил своему младшему единокровному брату увесистый подзатыльник, а Тициан сделал вид, что ничего не заметил, и уткнулся в свой мобильный – впрочем, наушники он воткнуть в уши в этот раз не посмел.

Милена видела, что и Эйприл тоже копошится в смартфоне, явно не слушая то, о чем вещал ее отец-президент, все выступление которого сводилось к одной-единственной мысли: *он – лучшие всех и вся.*

Похоже, Эйприл и Тициан понимали друг друга, причем очень даже хорошо, и их тянуло друг к другу. И Милена вполне могла бы принять такую вот, на пару лет его старше, подругу своего робкого сына, если бы не одно «но»: Эйприл была единокровной сестрой Тициана.

Наконец речь супруга закончилась, и Милена, подойдя к своему месту около Делберта, даже не успела опуститься на стул, потому что все вскочили, когда вышколенные официанты внесли золотые блюда с искрящимся шампанским. Пили, конечно же, за очередной оглушительный успех президента Делберта Грампа. Милена поразмыслила – все, что делал Делберт, оборачивалось *успехом*, причем всегда непременно *оглушительным*. Это было одним из любимых выражений Делберта, которым он постоянно пользовался, в том числе рассылая свои сообщения в «Твиттере».

Еще до того как подали закуску, слова попросила Злата, которая, очаровательно улыбувшись, произнесла:

– Папочка, у нас к Рождеству для тебя сюрприз!

Свет тотчас потух, потом засверкали бенгальские огни – и Милена узрела среди них изящную, облаченную в желтое бальное платье *эту французженку*.

Что же, тайно привезенная из Европы неудачница, позорно проигравшая в прошлом году выборы у себя на родине, согласилась выступить в качестве живого презента для американского президента. Того самого, с которым она занималась сексом в Овальном кабинете и на поддержку которого, в первую очередь финансовую, отчаянно рассчитывала, желая наконец-то прийти к власти в своей стране.

– О, милый Делберт, как я рада тебя видеть! – приближаясь к несколько кисло выглядевшему Делберту, произнесла с типичным нью-йоркским акцентом эта французженка. Недаром же она в детском возрасте несколько лет жила в США – в ту пору, когда еще была любимой дочкой своего папаша, того самого, у которого пару десятилетий спустя отобрала его же партию.

Милена не без удовольствия отметила, что Делберт явно не рад визиту *этой французженки*, а та немного растерялась, поглядывая на нервничающих Злату и Джереми, затеявших эту комбинацию.

Поэтому, шагнув навстречу гостье, Милена протянула ей руку и проговорила:

– Ах, мадам дю Прэ! Какая приятная, надо сказать, неожиданность! Вообще-то, когда погас свет, я подумала, что сейчас вкатят огромный торт, а оттуда при свете бенгальских огней выскочите вы и исполните для нас стриптиз. Но я ошиблась!

Говорила она это с мягкой улыбкой, тихо, так, что даже не все расслышали, какие слова она обратила к Марианне, чье лицо сделалось точно такого же цвета, как и ее платье. Раздался истеричный смех сидевшей рядом Шэрон – та отлично слышала, *что именно* произнесла Милена.

– Но в любом случае мы рады вас приветствовать! Так ведь, Делберт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.